

*Елена
Кузнецова*

**СОН
ЖИЗНИ**

**КАК
ЖИЗНЬ
СНА**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Юрьевна Кузнецова

Сон жизни как жизнь сна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54133109

SelfPub; 2020

Аннотация

Автор собирает и записывает свои сны более 40 лет. Это позволило выработать непривычное представление о влиянии ночной трети суток на судьбу человека. Каждую ночь мы оказываемся в иной действительности и проживаем другую жизнь. Осознание этого придает гармоничную целостность личности. Предлагаются система записи сновидений и необычный способ анализа и комментария «сонных» событий. Расшифровки снов – инструмент самоисследования. Но главное в книге – сами сны, как продукт творческой работы подсознания. Условность жанра – вынужденная. Это роман автора со своей душой длиною в жизнь. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Вместо предисловия	5
Свобода воля, чтоб ее...	8
Смотрю в себя	17
Сон – настоящая жизнь	30
Начало	38
Фантастические сны	50
Киностудия сна	93
Конец ознакомительного фрагмента.	161

**Моим незабвенным родителям с благодарностью и
почтением**

*Нас несет сквозь время столь
странным образом, что существование
становится подобным сновидению,
и это подсказывает мне, что нормальному
человеку жизнь просто снится изо
дня в день. Вся жизнь – просто сон...*

Кальдерон

Вместо предисловия

Однажды я совершенно случайно стала свидетельницей жаркого спора двух вполне уважаемых друзей о свободе воли. Они были немного навеселе. Алкоголь раскрепощает человека, лишает осторожности и делает разговорчивым. Чем больше спорщики пили, тем глобальнее начинали мыслить. Я невольно прислушалась. Уж очень интересно мыслили мужики.

Для начала они с легкостью решили все мировые проблемы. Расставили политиков по ранжиру, а заодно и выставили им оценки. «Восстановили» промышленность и по новой приватизировали все, что осталось от предыдущего раздела собственности. Прошлись по СМИ. Подложили свинью под мировую закулису в виде украинского вето на все, что не сало. Примерили шапку Мономаха и отвергли ее, как неудобный пережиток. Уволили всех начальников, а кое-кого отправили изучать флору и фауну в места за перекрестком цивилизации. Не забыли посадить правительство на хлеб-воду и велосипеды. Немного посовещались и решили вернуть сначала Крым, затем Байконур, а напоследок и Арал, но, вспомнив, что озеро давно высохло, потеряли к нему всякий интерес. Потом как ни старались, но не могли договориться о том, какую кару карскую придумать для америкосов, и решили отложить это важное решение на потом, когда разре-

шится главная проблема.

Проблема баб в жизни настоящих мужчин.

И, если по предыдущим пунктам для консенсуса приходилось неоднократно прикладываться к «змею», то главная проблема была реперной точкой и таким болевым шоком, что обошлось без дополнительного «обогрева». А что? Это был тот аспект жизни, где спорщики сходились мнениями. Женское предназначение настолько сильно их волновало, что даже не требовало полемики. Судя по виду, эти офисные работники были вполне себе прогрессивными трудягами интеллектуальной нивы. Но в отстаивании истинного смысла женского существования они оказались замшелыми домохозяйками.

Место бабы у очага! И все тут! Была бы воля (вариант "материальные возможности" был отмечен, как не отвечающий злобе дня), вообще за решетку лучше посадить, чтобы лишить соблазнов вмешиваться в настоящую жизнь с большой буквы Ж. А еще: чтобы не мешала, не перечила, подносила, верила, боялась... И вообще, чтоб мясо было каждый день и сколько хочется! "Как проснусь – так сразу рядом тарелка с большим куском мяса без всякого там гарнира!"

Пока мужики распяляли собственное воображение и "плавали" в планах на будущее, я пыталась сосредоточиться на своем. И вдруг внезапно поняла, что мне мешает... день. Шумный, полный ненужных контактов, разговоров, встреч, проблем, чужой необязательности и собственной беспомощ-

ности. Вспомнилась юность, когда я воспринимала жизнь совершенно безотносительно людям, которые меня окружали.

Все дело в точке отсчета. Для кого-то жизнь начиналась в тот момент, когда он просыпался, чтобы куда-то идти. А я ждала ночи, что в ней остаться.

Прошло много лет. Поиск гармонии – между днем и ночью – до сих пор дается мне с трудом. Правда, я не теряю надежду и, по-прежнему, ищу в дневном существовании ночное ощущение свободной воли.

Свобода воля, чтоб ее...

*Ведь в этой жизни смутной,
Которой я живу,
Ты только сон минутный,
А после, наяву -
Не счастье, не страданье,
Не сила, не вина,
А только ожиданье
Томительного сна.
Д. Самойлов.*

СОН

Я бегу по ромашковому полю к озеру. Его не видно, но я знаю, что оно – за высоким пригорком. Бег мой легкий, дыхание спокойное. Не ощущаю никаких усилий. Бегу, словно лечу – свободно и задорно. Поле заканчивается, и открывается потрясающая перспектива спокойного бесконечно-голубого зеркала. Хочется броситься с разбега в прохладную чистую воду. Мыль об одежде и обуви бьется где-то в районе левого виска, но я на нее стараюсь не обращать внимания.

Внезапно замечаю огромный валун на берегу. Вернее, не сам валун, а сидящего на нем старика. Изменить траекторию бега уже не могу – инерция движения сильнее меня. Старик просто ловит меня в полете.

– Здесь самое глубокое место для ныряния.

– Спасибо, но я не умею нырять.

– Значит, я правильно сделал, что остановил.

Отстраняюсь. Старик отпускает меня. Он потрясающе красив. И не старик вовсе – ему лет 40-45 – самый любимый мужской возраст. Просто невероятно, как он похож на мой идеал мужчины в юности, – высокий, седой, голубоглазый. Помогает мне сесть на камень.

– Это великий камень. Посиди на нем, подумай о том, как хочешь прожить вторую половину жизни.

– Я и без сидения знаю – безболезненно.

– В смысле – без проблем?

– Нет. Без боли. Буквально и просто – без боли.

– Могу предложить нечто большее.

Вода тихо плещется о берег. Камешки блестят от брызг. Озеро, как магнит, манит своей глубиной и спокойствием.

– Не хочешь узнать?

– Догадываюсь.

Если передо мной – идеал юности, что он может предложить? Или вечную молодость или бессмертие. Молодость вернуть уже нельзя, а...

– Откуда ты знаешь, что я хочу предложить бессмертие?

Я рассмеялась.

– Если передо мной – волшебное явление, ничего большего предложить и нельзя.

– Нравится мое предложение?

Надолго замолкаю. Перед глазами пролетает вся жизнь, в которой было так много и хорошего, и плохого.

Мысли обрывает безотчетный ужас.

Внезапно кубарем лечу вниз по темной деревянной лестнице. У самого низа меня подхватывает папа – молодой, седой и сильный – и прижимает к себе. Слышу бешеный стук его сердца. Подоспевшая мама щупает мои ножки и ручки. А я... смеюсь. Мне всего годик, и этот полет – простое, хотя и страшное приключение.

Совершенно не хочется открывать глаза и возвращаться из безмятежного далекого детства, где все – еще впереди, и живы и папа, и мама.

– И все-таки, нравится мое предложение?

Волшебник возвращает меня в настоящее время.

Ну, что я могу ответить материализованной мечте? Бессмертие? Мне? Теперь? Такое надо предлагать в 17-ть лет. Когда – половодье чувств, миллион желаний и вера в то, что перевернуть мир – достойная цель. А усталой, изболевшейся и изверившейся бессмертие – кара. Зачем?

Чем бессмертной заниматься, если ничего не хочется делать? Что создавать, когда закончатся сюжеты или ис-

сякнет талант? Как любить, если в сердце – пустота? Ну, не сексом же с утра до ночи заниматься? В старости это просто физкультура. Количество в этих занятиях, даже при условии перехода в качество, – в один не прекрасный момент навсегда переводит человека из горячего профи в спокойного пенсионера.

Я поднимаюсь с камня, обнимаю мужчину и целую его в лоб.

– Спасибо за предложение.

– Только не надо этого: "Но я другому отдана..."

– Да. "И буду век ему верна".

Вдруг пропала легкость. Стало тяжело дышать. Каждое слово дается с трудом. Но я все-таки должна объяснить свой отказ, и потому шепчу непослушными губами:

– Без смерти – жизнь теряет смысл.

Жизнь ценна именно неизбежностью смерти.

Неотвратимость финала заставляет кровь быстрее течь, мысль – пронзать пространство и растягивать время, чтобы успеть сделать что-то и остаться в памяти. И еще. Это самое главное – найти такую ласку и нежность, за которые можно – в огонь и в воду.

А бессмертие – возжеление пустых, амбициозных и пресыщенных. Им нечего больше желать. Потому, перебрав все возможные цапки жизни, они неизбежно упрутся в тупик под названием – бессмертие. Это идиотизм, по-моему.

– Глупо и нерасчетливо. Смотри, не пожалей.

Моя мечта на глазах стареет – обнажается лысина, лицо режут морщины, а тело становится прозрачным. Сначала сквозь него видны облака на небе. Потом остаются одни облака.

Разуваясь, снимаю одежду и осторожно босыми ногами переступаю по камешкам. Вход в воду пологий и удобный. Не оглядываясь, отталкиваюсь от песчаного дна, и плыву.

У озера не видно берегов. Впереди – горизонт, где сходятся синяя вода и голубое небо.

Дорогой читатель, доброго времени суток!

Я начала свою книгу одним из моих самых любимых снов. Он прекрасен не только сам по себе, но и показателен совершенной реальностью моего отношения к жизни и ее ценностям. Когда записывала его, едва сдерживалась, чтобы не кричать от величия и мудрости ночного кино.

Эта книга – о снах, только она не имеет ничего общего с сонниками. В ней заключен многолетний опыт общения автора с собой. Не собираюсь рассказывать о мужанин души и становлении характера, начиная от детских игр с товарищами по розыгрышам и продолжая взрослые игрища с судьбой.

Я хочу рассказать о жизни тайной, покрытой сумраком ночи и сладкими грезами. Жизни сна. Личный сон – главный герой моего повествования.

Мой собственный сон, с которым я стараюсь существовать в мире и взаимном уважении. Жизнь научила серьезно относиться к любым знакам судьбы. Не скажу, что пришла к этому понимаю сразу. Отнюдь. Но с возрастом все-таки приходится мудреть и пристально всматриваться в совпадения. Если это делать добросовестно, то станет понятно, что в жизни не бывает совпадений. Особенно случайных. Все закономерно. И все возвращается – и хорошее, и плохое. Только человек так устроен, что всегда стремится вперед.

В юности вообще не думаешь о прошлом. И это правильно. Когда придет время, прошлое само напомнит о себе. Впрочем, это ведь на самом деле великое знание, – в какой-то момент жизни замереть перед осознанием того, что только что прожитый миг безвозвратно канул в лету. Это колоссальный переворот сознания – понимание растворяющихся мгновений, как постоянное прощание с ускользающей жизнью. Сначала это так страшно, что хочется, как в детстве, спрятаться на материнской груди. Потом... потом заставляешь себя примириться и жить, стараясь не думать об уходящих секундах. Вероятно, это и называется взрослением. Не потеря детства, а опознание себя, как отдельной личности.

Со мной это произошло в 14 лет. Жизнь круто изменил один старый сборник пьес. В этом возрасте добровольно пьесы не читают, разве что выполняя школьную программу или

оправдывая мечты о театральных подмостках. Ни первого, ни второго не было.

Просто поразило странное название: "Жизнь есть сон". История про двух близнецов, волей людей и обстоятельств, вынужденных прожить совершенно разные судьбы. Один – на троне, другой – в заточении, без людей и событий. А потом их внезапно поменяли местами. Чужая жизнь в чужом пространстве проявила в героях все самое лучшее и худшее. Старая истина осталась неизменной – **судьба никогда не ошибается**. Показав вариант возможного, она восстанавливает status quo. Оставшись в полном недоумении, герои вынуждены признать, что разницы между жизнью и сном нет, потому что понять, когда жили, а когда спали, они не могут.

Длинная и запутанная пьеса Кальдерона просто перевернула мое сознание и, как говаривала мать принца Гамлета – королева Гертруда – в другой пьесе другого автора, "повернула взор очами внутрь". С тех самых пор ночь превратилась для меня в восхитительный мир, где все возможно. В этом мире было легко за 8 часов прожить несколько совершенно непохожих друг на друга судеб. Совершить величественные поступки, побывать в самых отдаленных местах вселенной. Встретиться с любыми персонажами – подлинными или вымышленными.

Этот мир с его особой географией и течением времени стал для меня территорией такой же реальной, как пол, стены и потолок собственного дома. Сначала все было непонятно.

Но детская привычка разобрать игрушку, чтобы посмотреть, как она устроена, сработала безотказно. Это была не физика, которой я решительно не понимала, и не литература или музыка, достойные по моему тогдашнему разумению любви безоглядной и преданной.

Сон был ни на что не похож. Его нельзя было остановить, заложить закладкой, чтобы не забыть, пересмотреть заново или подчинить каким-то правилам. У него были свои законы, и мне захотелось их постичь. Наверное, тогда это было одно из самых сильных желаний.

Так вполне сознательно я начала работать со сном. Вернее, придумывать собственные правила для того, чтобы научиться понимать свои сновидения. Мне хотелось, чтобы сон стал такой же реальностью, как прочитанная книга, вчерашнее выяснение отношений или необходимость по утрам чистить зубы. Со временем обозначились и контуры законов, которым подчинялся мой сон.

Необходимо уточнить одно обстоятельство. На этой дороге я оказалась в совершенном одиночестве. Первые же попытки поделиться робкими "сонными открытиями" натолкнулись на... скажем, непонимание. А, если учесть, что с раннего детства общение для меня было сознательным актом, я решила добровольно не "множить печали". От этого ли, или от иного, но скука никогда больше не посещает меня. Как можно скучать с таким верным и интересным товарищем, как ты сама?

Их было много – прожитых снов. Целая жизнь. Вернее, две жизни. Одна – наяву, другая – в иномире сна. Иногда это пугало, иногда восхищало. Но исподволь всегда было и есть стремление объединить две половинки в единое целое. Какое-то невообразимое пока мной состояние спрессованности событий. Там не важны ни день, ни ночь – только непрерывное одновременное существование дневного бодрствования и ночной расслабленности. Одно важно. Сегодня для меня безусловным является именно "проживание", а не "просмотр" сновидений.

Смотрю в себя

*"...это яркий, продолжительный сон,
который забирает меня в свою реальность".*

Джон Гарднер

Чтобы понятно было, как я "общаюсь" со снами, лучше это делать на конкретном примере. Это один из немногих юмористических снов в моем собрании сновидений – лекции, собранной за 40 лет. Он странный даже для меня самой.

СОН

Ранним утром с группой путешественников я приезжаю в маленький туристической городок, известный славными традициями. День посвящен прогулкам по узким кривым улочкам с красивыми деревянными домами. Мы любовались резными наличниками на окнах, молились в старинных, вросших в землю церквях, покупали сувениры у румяных веселых девушек.

К середине дня я утомилась настолько, что просто валилась с ног. Поэтому, едва войдя в крохотный номер маленькой гостиницы, с наслаждением растянулась на скрипучей кровати и мгновенно уснула. Но покой прерывается самым

бессовестным образом. Кто-то настойчиво теревит меня за плечо. Сон слетает мгновенно, но глаза я не открываю. Напряжено вспоминаю, что запирала дверь, значит, рядом – посторонний. Вряд ли он – враг, иначе, зачем меня будить? Открываю глаза.

Передо мной... Жириновский!!! Такое даже в самом кошмарном сне присниться не может! Но ведь – стоит и умоляюще смотрит глазами приبلудного пса.

– Простите, пожалуйста, но в гостинице совершенно не осталось свободных номеров. Не гоните меня. Ноги уже не держат. Можно, я просто прилягу с краю?

На языке вертится несколько "подходящих слов", но я сдерживаю свой законный праведный гнев и цветистый словарных запас. На мужике просто нет лица. Еще миг, и правда, не дай Бог, свалится у кровати, как подкошенный. Интересоваться, как он вообще вошел в мой номер, глупо – уже вошел. Я предельно миролюбиво подвигаюсь, уступая место на и так узкой кровати.

Вот уж мечта "электората", – лежу в постели с Жириновским! Это даже не авантюра – трагедия городского значения. Лихорадочно пытаюсь найти выход из щекотливого положения. Спать хочется обоим, но в этой ситуации сна не может быть в принципе. У меня даже нет сомнений, что создавшееся положение несет угрозу. Не в этом дело. Но, для того, чтобы заснуть, надо расслабиться. А как тут расслабишься? Не философствовать же нам?

Он сопит рядом так напряженно, что я начинаю подзревать, что приперся неспроста. И, словно бы в подтверждении этих мыслей, Жириновский глубоко вздохнул.

– Вы меня еще раз простите, но можно обратиться с просьбой?

– Еще с одной? – Я едва сдерживаю иронию.

– Знаете, у меня затруднения... то есть... короче...

Он долго и мучительно подбирает слова, чтобы рассказать мне – посторонней женщине – о своей проблеме. Где-то в далекой Италии живет его любимая. Они встретились случайно, и с тех пор он не может ее забыть. Он уверен, что и она его любит. Это истинное и самое главное чувство. Все в жизни, что у него есть, не стоит этой последней отрады. Он написал письмо, но боится, что его желанная ничего не поймет. Не могу ли я помочь? Он протягивает мне листок, вырванный из простой школьной тетрадки в клеточку.

Крупным корявым детским почерком путано и трогательно политик признается в любви. Он описывает свои чувства и мечты косноязычно, но так искренне, что мне становится жаль этого большого и несчастного мужчину. Как ребенок, он заглядывает в глаза: "Ничего? Она поймет?" Я одобрительно советую чуть-чуть отредактировать текст и исправить грамматические ошибки.

Депутат облегченно вздыхает, закрывает глаза и... начинает громко храпеть, как выполнивший долг усталый воин. Вот дела! В возмущении стою над спящим политиком.

А он лежит на кровати, как и пришел – в пальто, ботинках и кепке. Можно, конечно, поскандальить, но меня сотрясает смех. Как там было в кино, – "В постели... не то с Мадонной, не то с врагом"? Кому рассказать – не поверят! Соображаю, что теперь делать? Растолкать и выставить, конечно, можно. Но жалко. Политик – не политик, а испереживался сильно. Нечто мы не люди, не понимаем?

Решиительно открываю дверь. В холле за небольшим столиком трое шахматистов напряженно обсуждают следующий ход. Один из играющих – мой папа. Все обернулись в мою сторону.

– Пойду, погуляю, – обращаюсь я к папе.

– Пойди-пойти, – папа "понимающе" кивает головой, а мужики молча ухмыляются.

Быстро выхожу, спиной чувствуя выразительные взгляды. Стыд заливает краской лицо, противно горят уши, словно совершила какой-то предосудительный поступок. Из гостиницы почти выбегаю.

Впереди совершенно другой вид. Нет никакого городишка. Я стою на высоком пригорке. Внизу – огромный луг с темнеющим вдали лесом. Осторожно спускаюсь вниз. Только на лугу замечаю, что лето кончилось: трава пожухла, цветы местами завяли, местами облетели. Ищу хоть один живой цветок, чтобы сорвать его для... А, собственно, для чего мне нужен этот цветок? И какой? Я хочу его понюхать, подарить? Кому? Зачем?

Изнутри начинает возникать слово. Я пытаюсь его узнать. Но слово, как бы распадается на отдельные звуки. Явственно вижу только букву Ы и с радостью выдыхаю – ЛЫБЛЯДЬ. Какая же прелесть? Что за слово, такое говорящее! Клад, а не слово! Куда же вставить, как применить, чтобы все красоту и емкость его передать? Судорожно начинаю конструировать сюжет, в котором ЛЫБЛЯДЬ – станет королевским призом. Но все получается не смешно. И тогда я... советую себе проснуться. Ведь на бумаге мне много легче "конденсировать" мысль.

В полусне еще делаю несколько изобретательских попыток, но понимаю, что бессмысленно оттягивать время, и окончательно просыпаюсь.

Сон закончился. Вялыми и негнущимися пальцами быстро начинаю записывать... Читаю записанное и начинаю хохотать. Здорово! Но ничего похожего на то, о чем я думала там – во сне на лугу.

2 приятеля, потягивая пиво, рассматривают окружающих женщин и делятся впечатлениями.

– Была у меня знакомая лыблядь: лицо куклы, нутро – шалавы, – поставил кружку на стол 1-й приятель. – Мимо мужика пройти не могла – нравственность не позволяла. Одна беда – страдала герпесом на губах. Бывало, выскочит такая дрянь, а тут мужик навстречу попадет такой, что хоть на-

ждачкой по языку, – так целоваться охота.

– Ну, – сверкнул глазом 2-й приятель.

– Она в таких случаях "философствовать" начинала, говорила: "Пойду" спущу пар". И принималась бешено готовить.

– И что?

– Я тогда отъедался за двоих – за себя и за того, который ей не достался.

– Интересная у тебя подружка.

– Жена, – мечтательно произнес 1-й приятель и, помолчав, добавил на невысказанный вопрос, – бывшая.

– А теперь ты как?

– Сам готовлю. – 1-й приятель залпом допил пиво и резко поставил кружку на стол. – Разносолы вредны.

Это было сказано таким тоном, что и без уточнения понятно, какие "разносолы" имелись в виду.

ПОСЛЕСОНИЕ

Главное! Яркость и реальность переживаний и испытываемых чувств по отношению к событиям сновидения не заслоняла важнейшего – полного осознания того, что все происходит именно во сне. Это объясняет совет самой себе проснуться, чтобы по горячим "следам" записать не только увиденное – причину, но и – "следствие".

Юмор во сне – удивительное явление. Правда, он был не явным, не сформулированным, но отчетливым. Интересно, что первым порывом было желание записать именно продол-

жение сна в виде анекдота. Не знаю, означает ли это какой-то новый этап в моем романе со сном. Сюжет, выходящий за пределы сна, это не банальный фунт изюма, а самая настоящая изюминка.

Впрочем, вернусь ко сну.

Сначала не было никакого желания "копаться". Но привычка – второй характер. Опять же, разобраться с таким персонажем, как Жириновский, все-таки лучше до того, как он разберется со мной. Владимир Вольфович, конечно, муж видный, но не до такой же степени, чтобы нагло вторгаться на мою территорию. Это ему не Индийский океан, где удобно "сапоги мыть". В мою кровать, кстати, он лег, даже не разувшись. О, ужас! Чтобы это значило? Выбор у меня велик. В смысле вариантов:

1. Анекдот, как выход за пределы сновидения, был не простым продолжением, а, вероятнее всего, уже родился «наружу» еще до начала самого сна. Но "под ручку" он мог выйти только таким образом – через сон, как реакция на необычное "сонное" приключение. В этом случае могу только поплодировать подсознанию, – знает оно меня, как облупленную! Что называется, получай ответ на вопрос об идеях, сюжетах и писательстве вообще.

2. Поиск цветов – самый понятный образ. Перед сном смотрела "Новые времена" Чаплина. Явная трансформация облетающей розы в финале фильма. Хотя, если углубляться, можно найти "оцветание" определенных жизненных устано-

вок или надежд. Осень, дорогая! Осень твоя пришла. Не рыпайся, веди себя, сообразно возрасту. А за ромашками милости просим – в магазин.

3. Появление папы. Этот факт совершенно непонятен. Обычно папа приходит или тогда, когда я прошу помочь мне с решением некоей проблемы, или в ответ на какие-то тяжелые мысли и переживания, или с целью предупредить или рассказать о будущем. Но в этом сне папа – не просто персонаж второго плана, он – почти лицо из массовки. Может быть, он хочет меня предупредить о том, что впереди маячит ситуация, из которой надо не просто бежать, а быстро сматываться? Сдается мне, что присутствие папы может быть знаком стыда, который я уже пережила, или который мне только предстоит пережить. Конечно, постараюсь учесть предупреждение. Попробую не вляпаться. Поживем, увидим.

Спустя 10 дней "увидела" и еле "унесла ноги" из одной истории с участием "божьих одуванчиков" – старушек-пенсионеров.

4. Намек. Не стоит с полужнакомыми людьми ездить по маленьким городам. Не получится ничего хорошего. Буду виновна в том, чего не делала.

5. Жириновский.

а). Он может означать тщету моих нелепых надежд на какое-либо участие в социальной жизни. Как говорится, что ни делай, лучше не делай. Результат один – бессмысленная трата сил на "отапливание космоса".

б). Любопытный вариант. Допускаю, что это может означать вполне вероятное отражение размышлений по поводу камарильи, которая наяву творится вокруг выборов – думских и президентских. Щеки раздувать – все горазды, а как доходит дело до дела, так – "пустите переночевать".

в). Подсознание, оно, конечно, материя темная и исследованию, как известно, пока не подлежит, но логические связи никто не отменял. Политик в сон попал не случайно. А, значит, этот персонаж требует к себе более внимательного взгляда. На самом деле мое отношение к нему претерпело несколько стадий. Когда он впервые появился в прямом эфире во время подсчета голосов на выборах в Думу, меня обуял подлинный страх. Было ясно, что возможный приход ЛДПР к власти обернется обыкновенным ужасом, со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями. Хорошо помню, что в моей семье тогда всерьез задумались об эмиграции. Останавливало три фактора: незнание языков, наличие гуманитарного, не конвертированного на международном рынке труда образования и отсутствие лучшей в мире национальности. Помощи ждать было не от кого, а впереди маячило получение давно выплаченного кооператива. А потом... все как-то само собой начало утрясаться.

После того, как схлынула первая волна страха, появление политика на экране стало вызывать любопытство. Дельные проекты часто предлагает, только репутация мешает. Иногда до снисходительной досады: "Вырос уже мужик, а ведет се-

бя как пацан петушинистый в период полового созревания. Сколько можно "ваньку валять"? Годы требуют, если не мудрости, то, как минимум, серьезности и солидности. Но, видимо, аудитория так вдохновляет, что "клоунада" запускается автоматически – с "полпинка". Да и потом, куда же деться от привычки? Ведь для политика смена амплуа – такого сочного и яркого – на что-то чинно-унылое – смертоподобие. Тогда – впереди замаячит забвение.

6. Надо быть честной. Этот вариант просто плавает на поверхности – мужчина-мечта? Долго пыталась допустить, может ли этот политик быть мечтой? Может. Для романтической дамочки. К сожалению, это сильно грешит против истины. Не хочу обижать его поклонниц, но, как говорится, не мой тип, хоть режь.

7. Надо отметить, что такое явление, как кровать, в моих снах гость – редкий гость. Даже не помню, чтобы разделяла ее с кем-то. Хотя, сердце всегда о ком-то "думает". А тут – нате! И не то странно, что персонаж – не принц, не Аполлон. Я тоже ни на принцессу, ни на Венеру не похожа. Необычно само поведение героя – униженное, просящее, человеческое.

8. И вот теперь придется "копаться" подробнее. Я все-таки склонна серьезнее отнестись к социальной тщете и бессмысленности, чем к эротическому подтексту.

9. А теперь – самый смешной вариант. Накануне так ухайдакалась с уборкой перед Новым годом, хотя и половины запланированного не переделала, что даже спать не хотела. Вот

сон и развлек меня, "подсластив" рабочий энтузиазм.

Давно уже так у меня повелось. Сначала я записываю СОН. А потом – ПОСЛЕСОНИЕ.

Чтобы понять, что, почему и зачем что-то снится, со временем и выработался подобный подход. Конечно, кому-то это занятие может показаться бессмысленной тратой времени.

Тогда эта книга – не для Вас. Ничего личного – прощайте!

Не собираюсь доказывать очевидное, что сон – ЭТО ВАЖНО. Это так и есть. Ни в коем случае я не хочу кому-то что-то навязывать. Тем более, что сны – это, практически, исподнее.

Книга состоит из моих избранных снов, объединенных в основном по тематическому принципу с добавлением текстов по самим темам. Сны имеют первоначальный вариант фиксации без позднейших переработок. Датировки я решила исключить. Для меня они важны, а для читателя – не принципиальны. Хотя придется смириться с некоторой путаницей. Иногда причины и следствия в моем повествовании будут меняться местами. Одно и то же событие может быть описано и До, и После фактического соответствия. Впрочем, вряд ли это важнее самих сновидений. Ни в коем случае я не старалась представить ВСЕ сохраненные сны. Во-первых, это невозможно, во-вторых – не нужно. Я отбирала или, дей-

ствительно, интересные сны, или показательные с точки зрения отражения дневных проблем.

По этим снам можно проследить, что называется, "развитие метода". Практически все сюжеты были расшифрованы в момент фиксации. Для некоторых использован своеобразный глоссарий из сонников (без подробностей определений, а, следовательно, это дозволенное цитирование, не нарушающее авторское право).

Надеюсь, мой опыт пригодится интересующимся данной сферой жизни. Никто, кроме самого человека не знает себя лучше всех, разве что собственная душа в лице неразлучной парочки сознания-подсознания. Я хочу поделиться своим многолетним экспериментом по преобразованию сна из явления спонтанного и потустороннего в доброго и самого близкого друга. Друга, который помогает разговаривать с душой напрямую – без посредников в лице гадалек, целителей и самых разнообразных психоспецов.

Не претендуя на изобретение какой-то особой технологии погружения в сон и его анализ, я предлагаю свой опыт в качестве примера или эксперимента. Одно знаю наверняка, эта практика возвращает краски жизни и избавляет от ненужных сожалений по многим поводам. Да еще освобождает от лютого одиночества, от которого мы все бежим, как угорелые, забывая, что человек одинок всегда. И не важно, есть кто-то рядом с тобой, или даже в проекте ничего не планируется. Было бы глупо не процитировать саму себя. В одной

из моих пьес, кстати, то же "выросшей" из сна, по этому поводу "прохаживается" героиня: "Ты, что же, думаешь, если в койке рядом кто-то сопит, то вас уже двое? Все равно – двое по одному".

Сон – настоящая жизнь

*Нерасшифрованный сон подобен
нераспечатанному письму от Бога.*

Талмуд

Сон – это удивительный мир, который живет в человеке. Не в разуме его, сердце или душе, а просто – в человеке. Он всегда готов радовать, предупреждать, ограждать и любить. Он самый близкий друг из всех самых близких друзей. Для тех, кто относится к нему серьезно, он верный товарищ – никогда не подведет. Сон хранитель интересов человека. Он не устанет повторять одно и то же много раз до тех пор, пока человек не поймет, что впереди – опасность. Он говорит на самом красивом и образном языке героев и событий, перемешивая для достоверности и наглядности утреннюю раздражительность, дневную активность, вечернюю усталость и ночные намерения с достижимыми целями, тяжелыми раздумьями, драматическими переживаниями, наивными мечтами, неисполнимыми желаниями и робкими надеждами.

Сон взбивает все в особом блендере вселенной, где человек, пространство и время едины, и показывает спящему новую действительность для дегустации необычного крем-супа – фильма возможной жизни. В этом фильме с пугающей и радующей достоверностью мысли и желания преобразуются

в непривычные сюжеты – фантастические и жизненные одновременно.

В этих сюжетах человек всегда или герой, или наблюдатель. Для сновидящего кинолюбителя, сюжет будет строиться по законам кино – с завязкой, конфликтом, драматическим действием и финалом-выводом. Для книгочея сон добавит прихотливых размышлений, необязательных подробностей и вариантности в развитии интриги. Но в любом случае, сон предьявит структуру, похожую на загадку-детектив. И суть – в трактовке подсказок, которые приведут к разгадке.

Сон подарит удивительную фантазию. Возвысит, ободрит, предупредит о вероятных затруднениях, укажет на сбой в организме, похвалит за достойные поступки и подтолкнет к верным решениям. Он поможет выбрать правильный путь в дневной жизни.

Сон может все. Кроме одного, НО или лучше – ЕСЛИ. Если человек не просто смотрит сон, но ВИДИТ его.

Я давно интересуюсь снами. Сразу оговорюсь – не только своими снами. Собрала обширную библиотеку, как сонников, так и исследований по сновидениям. Но, чем больше я знакома с этой литературой, тем яростей во мне рождался протест против нее. За редкими закономерностями и открытиями во многих книгах повторяются одни и те же глупости, если не сказать грубее:

- сны снятся только психологически нестабильным людям,
- сон обычно видит только неуверенный в себе человек,
- цветные сны снятся исключительно шизофреникам, на этом настаивает каждый второй, занимающийся психологической практикой,
- у сна четкий понятийный словарь преимущественно сексуально-эротического толка,
- сон – просто глубокий физиологический отдых,
- сон несет функцию лечебно-профилактического мероприятия,
- сон – пустое времяпрепровождение, с которым человеку надо бороться, чтобы в будущем вернуть себе "сонную" треть жизни для полноценного дневного существования...

Перечислять можно много, «дополнения», желающие обнаружат повсеместно. Все эти утверждения оформляются наукообразными фразами и со звериной настойчивостью внедряются в сознание заинтересованных.

Мне жаль людей, для которых сон не стал другом. Вероятно, эти люди в силу разных причин потеряли главного друга своей жизни. Они достойны сострадания.

Ведь сон – это личный **ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС**, который каждый человек мечтает научиться слышать и понимать. Такое мастерство не приходит само собой, как умение, например, дышать. У внутреннего голоса свой язык – прихотли-

во-достоверно-доступный. Но понятным он становится только тогда, когда этот язык освоишь.

И тогда станет пронзительно ясно, что сон – другая страна, с другими, хотя и похожими, законами, обычаями и населением. Человека сбивает с толку эта похожесть, поэтому непонятым деталям, как редким ретро-словам, он ищет объяснения в сонниках. Но в том-то и дело, что традиционные сонники, как словари, разъясняют общепринятое или вышедшее из употребления, но не дают ЛИЧНОГО ТОЛКОВАНИЯ.

Эквивалент найденного, может быть, приблизительным, ибо не учитывает индивидуальный опыт, собственную прожитую жизнь и персональные представления о добре и зле. И в этом случае курьез – минимальная потеря. Пример возведенной в закон патологии – карандаш, который по Фрейдю непременно будет расшифрован, как мужской половой член. И для женщины он призван означать тоску неутоленного желания. За всех женщин, как говорят в Одессе, не ручаюсь, но для человека пишущего, как и для нерадивого ученика, карандаш – напоминание о несделанном уроке или ненаписанной статье для очередного номера газеты.

По моему глубокому убеждению, к сожалению, влияние Фрейда и его последователей сыграло разрушительную роль не только в психологии и медицине, но и в истории искусства и культуры XX века. Не могу найти объяснения тому, как психически неуравновешенный, болезненно зациклен-

ный на собственной мужской неполноценности, сексуально озабоченный Фрейд, извращенно допытывающийся самых интимных подробностей "этих" проблем у своих пациенток, стал светочем и знаменем науки, лукаво названной психоанализом. Перелистывая страницы его книг, я частенько боролась с тошнотой от отвращения. Основатель психоанализа вызывает во мне чувство омерзения, сходного с тем, что испытываю при виде мстительного интереса священника на исповеди, добывающегося деталей "греха" от верующих прихожанок. Есть в этом гадкое смакование чужих подробностей запретной страсти.

Но еще омерзительней для меня "перевернутое" сознание экзальтированной части интеллигенции, так падкой на все глубинно-извращенное, поверившей во Фрейда с пылом, достойным более возвышенного применения. Впрочем, я не собираюсь с водой выплескивать и ребенка. В любой теории есть доля теоретической правды. Тем более, что я совершенно не претендую на научность, а значит, вполне могу позволить себе быть предельно откровенной и совершенно субъективной. Не о математике чай разговор.

Возвращаясь к сегодняшнему дню, нельзя не заметить очевидного. Существующим техническим реалиям вообще не придуманы эквиваленты составителями сонников. Конечно, они пытаются удовлетворить возрастающий интерес, но все равно телега с большой натяжкой может замещать самолет. А как быть с ракетой, ядерной бомбой, компьютером

или спутниковой антенной?

Сон не так прост, как кажется и обывателю, и исследователю. Его ни обычной, ни электронной отмычкой не вскрыть. К тому же, он чрезвычайно хрупок и эфемерен. Только откроешь глаза, посмотришь на окно, а сон уже – за окном. Он вернулся туда, откуда пришел, – во вселенную, оставив ошметки от и так нечетких остатков разрозненных деталей. Из этого смысл не сложить. Сон же ценен именно своей целостностью, в которой все имеет значение: и тема, и сюжет, и подробности, и поведение героя, и его эмоции.

Для меня сон – совершеннейшее из совершеннейших произведений искусства. И самое невероятное состоит в том, что во сне все люди – талантливы. Там нет бездарных.

Сон – демонстратор безграничных возможностей человека. Каждого человека. Всех людей.

Сновидения – дар или проклятие?

Только многие ли обращаются бережно с этим своим богатством?

Как много людей проваливается в сон от усталости, как в беспросветную пропасть? Кто-то привычно призывает сон в тщетной надежде отдохнуть и забыться от дневных забот хотя бы под утро. А большое количество несчастных просто проклинаяют ночь за кошмары. Они завидуют тем, кому вообще безразличны сонные экзерсисы, потому-то спят, что называется "без задних ног". И – бич современности и распла-

та за цивилизацию – повсеместно растет процент людей, для которых сон возможен только после приема таблеток. Неве­ро­ятно. Но самая страшная пытка – отсутствие сна – уже в действии. "Если у вас еще нет, тогда мы идем к вам", – за­зывно обещает сегодняшняя реклама.

Человек самоуверенно диктует сну его место – подсоб­ной кушетки для тела. А сон... Нет, он не мстит. Как можно мстить лучшему другу – самому себе? Сон все равно с упор­ством неизменной смены времен года продолжает из ночи в ночь говорить с человеком о вечном – его душе. Но голос этот с каждым повтором слабеет, краски бледнеют, истории упрощаются.

Фантазия – слишком хрупкая и ажурная реальность. Ей нужно многое – свет, вода, простор, краски, любовь и ве­ра. Да, вера в реальность фантазии. Тогда она расцветает неправдоподобной радугой и звучит волшебной музыкой.

Сон стремится разбудить в человеке художника. И он не виноват в том, что утром просыпается не художник, а обы­ватель, который даже задуматься не желает над ночными об­разами и приключениями.

И снова повторяюсь – мне жаль этих людей. Они отсека­ют от себя то, что связывает человека с вечностью. В днев­ной жизни они с горечью будут нянчиться со своим одиноче­ством, и искать успокоения в работе, религии, сексе, развле­чениях, компьютерных играх, алкоголе или наркотиках. По-

иск новых удовольствий безвозвратно уводит человека все дальше и дальше от себя самого. И удовольствия эти становятся все механистичнее, бесчеловечнее и преступнее.

Сон же, как первое слово младенца, блик солнца в капле росы, подснежник посреди белой лесной глуши или рассвет, встреченный влюбленными, цены не имеет. Он просто бесценен и равен великим произведениям искусства.

И каждый – творец таких произведений.

Если человек разминулся со своим сном – он болен непоправимо. Только такой диагноз не поставит ни один эскулап. Но, тем не менее, это недуг. Душа человека, разминувшегося со своим сном, мечется в поисках выхода, а тело пребывает в мучительных страданиях. Больной ходит по врачам, молится в храмах, меняет сексуальных партнеров, переходит с одной работы на другую, перебирает модные диеты, забывая, что и доктор, и рецепт исцеления, и аптека находятся внутри – во сне.

Сон же готов – в любой миг – рассказать человеку о нем самом ВСЕ.

Осталось только прислушаться, присмотреться и научиться запоминать.

В благодарность сон – со временем – раскроет все свои смыслы и тайны.

Тогда человек и его сон начнут жить не параллельно, а вместе – одной общей здоровой и радостной жизнью.

Начало

"Сны – это лазейка в иные миры "

К. Кастанеда

Этот роман из глубокого детства. До сих пор помню сон, который начал сниться мне еще до школы. Сегодня такие истории называются сериалами. Но в середине 60-х в моей семье еще не было телевизора, а сон... снился на протяжении нескольких лет. Конечно, я погорячилась, заявив, что помню его. Но детское осознание творимой собственной сказки, безусловно, осталось. Да еще детали – яркие, по-детски наивные, но сказочно достоверные – и теперь стоят перед моими глазами, "как живые".

Сон был связан с котом в сапогах. Скорее всего, это было развитие сюжета знаменитой сказки Шарля Перро.

СОН

Из ночи в ночь моя животина путешествовала по полям, лесам, горам и захаживала в придорожные таверны. Почему-то кот не показывался целиком, помню только его лапы в ярко-красных сапогах с блестящими ботфортами и пушистый серо-полосатый хвост. Да еще распахивающиеся деревянные резные двери.

Из желаня понять, в чем был смысл приключений постоянного героя этого долгого сна, выросло, совершенно естественно, и желание вообще понять, зачем мне – именно мне – снятся сны?

С 14 лет начал формироваться сновидческий архив. Сначала это были какие-то обрывочные сюжеты с ускользающими деталями. Первые опыты были похожи на изучение иностранного языка, когда накануне вызубренные слова никак не вспоминались наутро перед уроком. Беспомощность вызывала яростное сопротивление – хотелось победить несовершенство памяти во что бы то ни стало.

И тогда я попыталась разработать собственную – за неимением вообще никаких – методику для запоминания. Как ни странно, развитие навыков запоминания снов привело к утере другого навыка – усвоения иностранного языка. Но я тогда – в юности – не расстроилась. Ведь иностранный язык был чем-то чуждым, и вряд ли когда-либо в той – советской реальности – применимым. А сон был частью меня самой. И отказываться от изучения собственной жизни я не собиралась. К тому же подстегивала и тайна. Никто не знал о моих необычных занятиях. Хотя, чтобы изменилось, если бы и кому-то это стало известно? Психом не объявили бы, но пальцем у виска вполне могли бы "дружелюбно" повертеть. А я и так не слишком монтировалась с окружающей действительностью.

Подробности ночных приключений восстанавливала по

оставшимся деталям и предметам, объяснения которым находила в фотографических карточках – первых сонниках. Их воровато распространяли в поездах немые. Конечно, словарь там был минимальный, да и понятия все больше устаревшие. Но и эти примитивные сонники-открытки развивающейся личности давали пищу для размышлений о природе сновидений.

У изголовья всегда был блокнот, карандаш и фонарик. Постепенно я научилась спать чутко и просыпаться сразу после сновидения, чтобы как можно точнее и полнее записать приснившийся сюжет. Иногда просыпалась по 6-8 раз и фиксировала на бумаге то, что удалось запомнить. Жаль, что теперь нет возможности посмотреть на те – первые – опыты. Эти записи утрачены из-за многочисленных переездов.

Со временем технология фиксации сна видоизменилась и усовершенствовалась. Как ни странно, мне даже в голову не приходило, что можно найти таких же, как и я, энтузиастов. Может быть, дело было в том, что тема сна никак не была связана с моими профессиональными интересами. Главное было в том, что постепенно, но неуклонно шло развитие методики.

Я научилась просыпаться после сна и, не открывая глаз, "прокручивать" увиденное несколько раз с начала до конца до тех пор, пока "фильм" не запоминался подробно. После этого... снова засыпала... в следующий сон. И так – до утра.

А утром – опять же с закрытыми глазами – повторяла последовательно все сны и... просто записывала их так, как можно записывать художественный фильм, используя для удобства "стоп-кадр". Так что теперь я уже не просыпаюсь между снами.

Достойные записи сны приходят не каждую ночь. Но сам процесс обучения сновидению был так увлекателен, что хотелось постоянно прогрессировать в этом направлении с ночи до утра. Правда, не скрою, когда я рассказывала об этом своем самом восхитительном "институте", некоторым мои знакомым и друзьям, кто искренне, а кто и демонстративно испуганно ужасались: "Да ведь ты совсем не отдыхаешь! Твой сон рванный и неполноценный. Это – повод задуматься о психическом здоровье".

Наивная, я-то была уверена, что мои достижения – как минимум – возбуждают любопытство. Оказалось, наоборот – только страх. Чего в этом было больше – беспокойства, жалости или зависти – уже не интересно. Тогда же я воспринимала это, как недоверие и обиду. Теперь меня веселит подобная "забота о моем психическом здоровье".

Тем более, что частенько друзья и знакомые просят помочь расшифровать их сны. Мне легче это делать для тех, чью жизнь я немного знаю. Ведь тогда и детали, и персонажи, и сюжет больше говорят о настоящих, а не выдуманных составителями сонников, проблемах и озабоченностях.

Я чувствую себя по-настоящему счастливым человеком от осознания того, что полностью – без изъянов – принадлежу только самой себе. И чувство это совершенно феноменальное. Оно так же иррационально, как и вещественно. Иначе и быть не может, ведь настроение, самочувствие – вещи вполне и материальные, ибо влияют на жизнь не меньше, чем еда, вода и взаимоотношения. Уверена, окружение от этого не страдает, ведь мое сонное счастье незаметное, оно суть – ощущение даже не столько физическое или душевное, но – духовное.

С тех самых пор, как стала записывать сны, я с нетерпением жду ночи. Для меня ночь – самое фантастическое время. Это воистину упоительная жизнь – необычные приключения, фантастические истории, настоящие герои и небывалые события. Не скрою, в юношеском максимализме иногда дело доходило и до того, что подлинная – реальная – жизнь казалась мне тусклой, серой, не интересной, в противовес загадочной ночной. В конце концов, у каждого человека должны быть свои вредные привычки: кто-то курит, пьет, гуляет, употребляет наркотики, ныряет с аквалангом, организует финансовые пирамиды...

Спустя годы, я понимаю, что юношеский энтузиазм неплохо подпитывался возрастной агрессией. Иначе, наверное, я давно бы извела себя сожалениями о лишении каких-то реальных удовольствий и радостей. Так, мне каза-

лось, что топтание на пьяной танцплощадке – излишний и бессмысленный опыт. Правда, если будет дано "вернуться" когда-нибудь (потом!) еще раз на обязательно грешную землю, чтобы снова прожить телесной жизнью души, – проверю, много ли я потеряла в сравнении с нынешней жизнью.

Но это будет, если будет, когда-нибудь потом.

Проблема лишь в том, что этот эксперимент трудно провести – душа не помнит свои прошлые жизни. Она так устроена, чтобы ничто – и память более всего – не мешало по-настоящему исправлять собственные ошибки. Но, если честно, то думать о будущем мне не хочется. Я и так всю свою предыдущую жизнь провела в раздумьях, как поступить правильно, чтобы через ... -дцать лет "не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы". Так что теперь просто живу, просто сплю и стараюсь делать то, что в моих силах – без вранья, насилия над собой и окружающими.

В разных исследованиях по поводу продолжительности сновидений говорится об очень кратком временном периоде. Опытным путем я могу подтвердить эти научные данные. Кстати, это выяснение было не самым интересным экспериментом. И вторично на подобное я, скорее всего, не соглашусь.

Но мои 6 снов за 8 минут подтверждают исследования ученых – сон длится от 40 секунд до 2 минут. Это были полноценные многоперсонажные сны-истории. Хотя стоит уточнить, что на расшифровку краткой записи по ключевым сло-

вам и деталям утром ушло по 3-5 полновесных печатных страниц.

Признаюсь, тогда я, наверное, целую неделю находилась под впечатлением этого результата, который фиксировал невероятную скорость мысли – ведь сюжеты развивались во времени. И, если бы я хоть что-то понимала в физике, математике, а заодно и в химии, то, скорее всего, еще больше бы восхитилась способностями и возможностями человека. Надо еще добавить одно уточнение.

Довольно долго я пребывала в уверенности, что сон строится по законам драматургического произведения не только сюжетно. По Аристотелю, который выработал эти законы, драма должна соответствовать триединству места, действия и времени (история должна была развиваться в одном месте, в течение дня), хорошо известными мне, как театроведу по образованию.

Мои сны – многие из них – в полной мере отвечали этим правилам, что косвенным образом подтверждает жизненность наблюдений древних. Однако, из этого правила, как из любого настоящего правила, бывают и исключения – сны, в которых действие длится более суток, места меняются и действие рвется.

Любая система, если она жизнестойкая и смыслообразующая, рано или поздно начнет усложняться. Со снами это тоже происходит. Теперь мне иногда удается видеть сон, как

"матрешку". Я так это назвала за неимением более подходящего понятия. Что это такое? И как, хотя бы приблизительно выглядит подобный сон? Скорее, это похоже историю, в которой, находясь внутри, спящий одновременно видит ее – историю – со стороны.

Я научилась, находясь во сне, отстраняться. Иногда я смотрю сон, как фильм, в качестве зрителя, но одновременно могу вмешиваться в сюжет. Сюжет развивается передо мной, словно набор разных вариантов. Эти варианты можно перебирать в разной последовательности, меняя не только место действия и персонажей, но и изменяя внутри самого сюжета вектор событий. Это совершенно невероятное состояние – прихотливая режиссура собственного сна.

Со временем к подобным ночным открытиям добавилось еще одно упоительное удовольствие – размышление и анализ увиденного не только наяву, то есть, после пробуждения, но и размышление, и анализ ВНУТРИ, во время самого сна, когда я нахожусь рядом с героем или с самой собой. Отвечать на вопросы: зачем и почему? – по ходу сюжета – оказалось не менее занимательно, чем разматывать детективный клубок. А потом плавно с найденным или вероятным ответом переходить в следующий сон без потерь подробностей предыдущего.

Из-за лени или от нехватки времени не все сны записываются. Но многие из них, как и из тех, что были "показаны" ранее, я могу теперь и рассказать, и записать, также подроб-

но, как пересказать много раз виденный любимый фильм, например.

"Сотрудничество" со сном оказалось на редкость плодотворным. Значительная часть моих сюжетов (и пьес, и прозы) – родом из "ночного сотворчества". Еще больше число их ждет своего часа, и к ним я обязательно вернусь. А сколько бытовых – житейских – соответствий было найдено и применено, благодаря снам, трудно счесть. В этом смысле мне кажется, что понятие "вещий сон" стоит рассмотреть более подробно. Я убеждена, что все сны – вещи. Просто, людям свойственно не обращать внимания на сны, но, когда они видят что-то поразившее их или, наоборот, ожидаемое со страхом или надеждой, это пугает.

Показательный пример. На 2 курсе во время сессии, когда надо было сдавать зачет по "диалектическому материализму", я "гоняла балду", раскладывая пасьянсы. Напрягаться не хотелось даже под угрозой несдачи зачета и потери стипендии. Часа в 4 я утомилась и свернулась калачиком на диване. Сон пришел мгновенно, стоило только закрыть глаза.

СОН

Я стою в аудитории перед столом, на котором разложены экзаменационные билеты. Медленно, словно в замедленной съемке, вынимаю билет. Ясно вижу номер 17 с двумя во-

просами. Надо сказать, что за весь семестр я так и не удосужилась прикоснуться к этим билетам. Мгновенное удивление от прочитанного (и добавлю, увиденного) сменилось четким приказом проснуться.

ПОСЛЕСОНИЕ

И, действительно, я быстро проснулась и открыла билеты. Найдя 17-й номер, я чуть не закричала. Этот текст только что был прочитан во сне! Задумываться над этим удивительным явлением не стала. Открыла учебник и тупо несколько раз прочитала ответы на вопросы. После этого – о, студенческая непосредственность! – завела будильник и завалилась спать с чистой совестью. У меня было в запасе еще 2 часа.

Перед аудиторией без всяких угрызений совести с холодным спокойствием понимала, что придется искать подработку, а предмет для зачета все равно учить. Билет, тем не менее, я вытащила именно 17-й, чему была так поражена, что при ответе скакала с пятого на десятое, и вызвала неподдельное сочувствие педагога. Мне было предложено сдать еще раз, чтобы иметь право на повышенную стипендию. Но тут я была непреклонна и "честна", – дескать, нет, поставьте мне то, что я заработала. Пусть это будет уроком на будущее. Оглядываясь, могу сказать, что тогда, конечно, я и не подумала анализировать странный сон. Теперь точно знаю, он меня – лентяйку – пощадил.

Роман со сном приносит много радости. На огорчениях я совершенно не хочу останавливаться, ведь жизнь – есть жизнь. Конечно, как все плохое и хорошее, что имеет начало. Но однажды и непоправимо навсегда, роман этот закончится финальным, самым ярким трагическим и окончательным, сном – переходом в смерть. И никто отменить ЭТОТ сон не сможет.

Сегодня убеждена в том, что сны снятся всем, они – цветные, такие же, как наша цветная жизнь. В этом месте хочу уточнить важное обстоятельство, на которое очень любят ссылаться некоторые особенно "озабоченные" чужим здоровьем товарищи. Если человеку снится черно-белый сон – именно в том случае надо бить во все колокола. Именно это – звонок: человек болен! Как всегда, бывает – агрессивное меньшинство, лишенное чего-то, что позволяет чувствовать себя полноценно, пытается диктовать большинству свою ущербность в качестве нормы.

Сны снятся всем, даже тем, кто железобетонно убежден, что ему ничего не снится. На самом деле большинство снов цветные, с развернутым сюжетом. Ведь они несут в себе переработанные дневные впечатления за ВСЮ жизнь. Они основаны на нашем опыте, знаниях, умениях, профессии, обидах, достижениях и прочих бесконечных параметрах. Они перерабатывают все в котле сознания, добавляя в это невероятное варево специи в виде личных надежд, мечтаний, тайных мыслей, опасных и запретных желаний – скрывааемых

или недоступных – и, соединяясь со вселенским разумом (ноосферой или...), показывает нам "ночное кино" ПРО СЕБЯ.

И только от самого человека зависит, поверит он своему сну, или махнет рукой, словно досадуя на ушедший автобус: "Подумаешь, сяду в следующий!" Но сны, как и мгновения, не повторяются. Второй раз можно войти только в ДРУГУЮ реку.

Фантастика, но мне кажется, что человечество перестанет воевать, когда научится не только смотреть, но и ВИДЕТЬ СВОИ СНЫ.

Фантастические сны

И в желтом колыбельном свете

У мироздания на краю

Я по единственной примете

Родную землю узнаю.

А. Тарковский

Коль скоро речь зашла о фантастике, я перейду к снам с фантастической составляющей. Конечно, любой сон – фантастика, потому что, даже, если его сюжет будет самым земным из земных и бытовым из бытовых, – там все равно будет странности и необычности.

Какой же это был восторг – первый человек на Луне! С конца 19 века это считалось делом, буквально сегодняшнего дня, но понадобилось целых семьдесят лет, чтобы этот день наступил. Впрочем, кажется, был вечер. Весь мир, затаив дыхание считал шаги Армстронга. И все плакали. Как-то было все равно: наши или американцы – по Луне ходит ЧЕЛОВЕК! Хотелось смотреть на это чудо вновь и вновь. Только доступно это было всем, кроме нас. Нам показали лишь короткий репортаж в программе "Время". Кто-то там, наверху, решил, – нечего любоваться, раз не наши космонавты там гуляют. Но мы все равно радовались со всеми землянами. Поз-

же досужие журналисты станут утверждать, что этот лунный спринт – фальсификация.

Одно дело – научная фантастика и разного рода домыслы со слухами. Другое – высокая вероятность подлинного события, отдаленного по времени. Как приятно и почетно было ощущать себя не просто частью, а центром вселенной: мы – разумные, братьев по разуму желаем иметь. Но где ж их взять?

Спустя годы мы увидим вскрытие инопланетянина. Как-то разом пропала всякая охота в подобной встрече. Зачем? Что мы можем дать друг другу? Разрезать, чтобы понять, как работают ручки-ножки или бегают мысли? Я не хочу. Больше не хочу этой детской радости – встретить себе подобного. Ничего хорошего от такой встречи ждать не приходится. Если мы лучше, умнее и сильнее, – все дальнейшее просто неинтересно. А, если они? Мы ведь даже не знаем, как у нас-то мысли бегают?

Весь наш опыт окажется детским лепетом. Это изменит все основы. Победы и достижения окажутся мелкими и нелепыми. Все – боль, страдания, мысли, цели, мечты, надежды – станет нелепицей, сущим вздором. И сама жизнь – бессмысленностью маленьких глупых двуногих.

Из необъятного по своей глобальности явления для всех это может обернуться явной трагедией для каждого. Для меня. И что тогда смогут изменить Боги? И не окажется, что молиться станет некому? Они и будут богами? Куда же тогда

мы денем нашу веру?

Я не хочу менять ничего в этой жизни! Даже свои заблуждения! У них нет цены. Вся моя жизнь уже стоит меньше. А мне хочется лелеять мои заблуждения. В них есть своя трепетная правда. Я потратила на них жар своей души. Не ахти что, только это все, что у меня есть. Я заберу их с собой. Будет возможность – проверю, не будет – лишь об этом стану горевать.

Мне нравится, что в этой вселенной я – такая же частичка, как и сама вселенная. Мы с ней меняемся местами и размерами... Только суть одна, мы – живые. Чем больше чувствуем и знаем, тем больше стараемся понять и объяснить. И бежим этот бесконечный марафон без маршрута, как ослики за привязанной морковкой.

Великое счастье – в незнании. Как же жутко было Создателю, если он все-таки был? Есть от чего свихнуться. От полного знания – немудрено и в Кащенко. Вселенская скукотища! Задумаешь что угодно. Это ли не повод для эксперимента с "образом и подобием"? Понятно, что производство Адама – акт бессмысленный и опасный. Оттого что – безответственный. С Адамами потопами и пожегами не совладать. Мы – бестии хитрые. Создателю неведома жажда жизни. Откуда ему, от скучного знания своего понять, как это страшно – умирать? Ему – бессмертному и безмерному – вольно жить надмирным.

А Адамы хотят тепла, сытости, радости, удовольствий. И

любви. Не к человечеству. А к себе – единственному. И тут Создатель, с его теоретическими представлениями о самом великом – страсти человеческой души – не указ. Сытый ничему не может научить голодного, зрячий – слепого, немой – поющего.

Даже, если Адаму дадут бумагу за подписью и печатью, что ему будет дарована еще одна жизнь, – он будет до самого последнего глотка воздуха цепляться за эту. Ибо Адамы могут доверять только собственным знаниями о жизни, таким же, как сами. Но это редко.

Так, только Королев мог на вопрос о Луне бесстрашно расписаться: "Твердая". И американцы не подвели. Они поверили и прыгали по ней, как малые дети: "Как здесь красиво!" Вокруг была огромная пустая серая планета. А над ней – голубой шар Земли. Это все сделал человек своими слабыми пальцами. Теперь этот репортаж доступен любому.

Спустя годы, глядя на эти кадры, меня трясло от рыданий и восторга. Ведь я смотрела на себя в прямом смысле – со стороны. Я уже была там, на этой Земле. Астронавты видели Землю и меня – 10-летнюю – на ней. И мне этот вид понравился. Только не было четкости – слезы мешали.

Почему я плакала? Потому что видела сейчас то, что могла видеть давно? И мне никогда не придется вот так прыгать по другой планете, с которой Земля – такая красивая. Как жалко всех нас, тех, кто остался ждать самых счастливых людей, в том июле 1969 года. Там. Дома. На Земле. На очень

маленькой Земле.

Вероятно, поэтому мы приходим в собственные сны, надеясь, изменить дневную глупость с помощью внутренней прозорливости. А просыпаясь, все забываем и множим ошибки. Сон мой, сладкий сон мой: "Я во сне, я помню, как меня зовут, я осознаю, что я сплю".

Бывают сны, в которые хочется возвращаться. Бывают сны, из которых хочется убежать. Они все хороши уже тем, что снятся. И я, просыпаясь, каждый раз думаю: "Вот и новый день, это – только день. Он пройдет. И опять настанет сон".

Сон – непредсказуемый и волшебный хозяин жизни. Забава для глупых, знание – для умных и сила – для мудрых.

В последнее время он все чаще предлагает не ассоциации личных впечатлений, а обобщенные безличностные сюжеты. Даже не знаю, радоваться мне этому или пугаться?

СОН

Ощущаю вокруг себя полную темноту. Но не черноту непроглядную, а именно темноту, что-то вроде беззвездной и безлунной ночи. Страх нет, только неприятное ощущение, что где-то совсем рядом находится кто-то или что-то – таинственное или враждебное. Неясные звуки и странный запах заставляют меня искать что-то устойчивое, к чему можно прислониться и защитить себя со стороны спины.

– А ты не бойся, – приятный низкий мужской голос звучит откуда-то сверху.

Я не реагирую. Во-первых, ничего не видно, во-вторых, а кто он такой, чтобы я его боялась или ему верила.

– Ты права. Никто.

Неприятный холодок прошел по телу. Ясно, что мои мысли – открытая книга. Но это, по меньшей мере, не честно и не по-мужски.

– Чего молчишь? – Я говорю, опережая мысли, чтобы меня не застали врасплох.

– А что сказать? Ты права.

– Тогда проявляйся. Нечего прятаться в темноте.

– Хорошо. Как есть, или как лучше?

– А, так ты на таракана похож, что ли?

– Уйду.

– Кто держит?

Темнота расходится. Передо мной берег. Пока не понятно, какой – морской, речной, озерный?

– Просто берег, не заморачивайся.

Честно говоря, мне уже изрядно надоел этот радиотекст. С кем говорю? Что он делает на земле? Додумать не успела.

– Земля-земля. Что вы все заладили – земля? – Голос стал резким, даже гневливым.

– Что тебе не нравится. Да, земля. Это наша планета...

– Земля – не планета, это – место жизни, – перебивает

меня невидимка.

– Как это?

– Так. Говорим земля – подразумеваем жизнь.

– А мы и так подразумеваем.

– Так да не так. Вот Марс или Венера – не земля, потому что они – мертвые.

– Подожди, – у меня даже раздражение пропало, – если земля – живая, то... – у меня перехватило дыхание.

– Договаривай сама.

– Не могу.

– Но поняла?

– Не хочу.

– Это от тебя не зависит. Там, где жизнь, там – и земля.

Я опустилась на землю. Ног совсем не чувю. В голове пусто, и совсем не хочется ни с кем разговаривать. Мелькнула мысль о молитве, но, кроме обращения – Господи! – ничего на ум не пришло. Как это, "там, где жизнь, там – и земля"?

– Получается, что наша земля – не наша планета Земля? Так можно предположить? – Я не поняла, подумала или спросила?

– Не важно. Все равно не отвечу, но ты можешь предположить.

– А ты?

– А я знаю.

– Значит, мы, вернее, наши предки, прилетели оттуда, где была их настоящая Земля? Она перестала сохранять

жизнь?

– Сама умная.

– А где она – настоящая Земля?

– Сама-сама.

– Что, их... бесконечная цель? Или просто ничего?

– Цель. Просто ничего. Какая тебе разница? Родившиеся здесь верят в то, что это – их земля. Не надо никого разубеждать. А то будут думать, мечтать, мучиться.

– Зачем тогда? Какой выход? – Я так быстро выдохнула, что даже не успела испугаться. Внутри все замерло. Ведь сейчас я получу или приговор, или надежду.

– Все ты усложняешь. Говорят

. же, от ума радости не много. Будь проще.

– Тогда зачем ты ко мне прицепился? От меня-то чего тебе нужно? Во мрак заманил, спрятался за словами. А сам, наверное, в очках и шляпе.

Громкий утробный смех словно бы отодвинул темноту. Я уже различаю линию горизонта. Вода тихо набегает волна за волной. Но спрашивающего нигде не видно. Может, на солнце проявится...

– Я не негатив.

– Тогда скажи, в чем выход?

– Верь в жизнь!

– Человеку важно знать, где его дом, кто его предки?

– Тогда ищи.

– Где?

– Что ты заладила! Планеты – не клиенты фирмы по недвижимости. Для таких масштабов риелторов нет.

– Нет?

– Ну, для вас нет.

– Как нам тогда жить?

– Да как жили, так и живите.

– В беспамятстве?

– Ты часто переезжала с места на место?

– Часто.

– И все дома помнишь?

Я не нашлась, что ответить. Не скажу, что вела кочевое существование, но жизнь, конечно, помотала.

– Когда переезжаешь в новый дом, старый – просто помнишь.

– Я не помню...

– Твое счастье.

– Нет, я о том – настоящем доме – ничего не помню.

– Просто детская амнезия.

– А тебе – тоже просто?

– Да. Просто. Работа.

Солнце резко вынырнуло из небытия и обагрило воду. Темнота растворилась. Я оглянулась. Страх совершенно пропал. Только под левой лопаткой тяжело ухало сердце. Никого. Пустынный берег. Даже муравьев не видно. Под ногами лежит странный камень. На первый взгляд – обычный булыжник: серый, испещренный бороздками и прихотливы-

ми узорами. Я бы и не обратила на него внимания. Но что-то сверкнуло. Нагнулась, подняла и ахнула.

У меня в руках камень почти овальной формы – словно бы теплая печеная картошка. Одна разница. С одного конца в нем – глубокий глаз. Под тонкой – меньше двух миллиметров гранитной коркой и такой же агатовой мантией – голубая кристаллическая щетка – зарождающаяся жеода. Я заморожено вглядываюсь в этот глаз из блестящих крохотных кристалликов, похожих и на голубоватый кварц, и на кварцит, и на сапфирин. Неужели это он со мной разговаривал?

ПОСЛЕСОНИЕ

Проснулась с ощущением опустошения. Меня словно бы провернули на фарш в мясорубке. Любопытно, что недавно разговаривала с приятельницей о камнях. Пыталась ей объяснить, почему мне нравятся агаты? Получилось недоказательно. Для нее камень – только бриллиант, хотя нет никаких финансовых предпосылок для подобного выбора. Просто, есть такая категория спорщиков, похожих на то, что называется "из грязи – в князи". Но я не на шутку завелась, очень было обидно за фантастическое разнообразие агатов. Даже сюжет сразу родился любопытный, как только сон закончился. И записывать я стала сначала сюжет, а только потом – сон. Про сюжет потом – после.

А сон страшненький. Конечно, в нем полно дневных раз-

мышлений на тему: кто мы и откуда? Но только этим объяснить я сон не могу. Что-то в нем нездешнее. Вдруг, это все – правда? И мы за переездами с планеты на планету запамятовали свой настоящий дом, а, стало быть, и настоящую историю? Как говаривал А.П.Чехов – "сюжет для небольшого рассказа". Но это – будущее.

Через несколько часов это будущее я нашла на берегу моря в Адлере. Черный, испещренный бороздками булыжник размером с детский кулачок. На одном конце в него была голубая проталина – мерцающий мелкими кристаллами таинственный голубой глаз.

СОН

События происходят одновременно в родительском доме в Армавире и в коммунальной квартире на Арбате.

Дочка спит в соседней комнате. Дело к вечеру. Мы с мамой готовимся ко сну. Я смотрю телевизор, а мама читает какой-то журнал. Слышен необычный звук. Мне не спокойно. Что-то происходит за стенами дома. Выхожу на крыльцо родительского дома.

Ничего не понимаю. Прямо передо мной совершенно явно возникает невесомый колпак светло-желто-зеленого цвета. Он совершенно прозрачен и движется вверх, изменяя положения. Из него свисают ножки, как у медузы. И вот он уже взмывает к небу. Заворожено слежу за движе-

нием, а потом бегу в дом, чтобы позвать родных поглядеть на чудо.

Путано говорю о происходящем. Мама одевается. Я совершенно раздета. Бросаюсь в арбатский коридор. Судорожно перебираю одежду. Натягиваю сиренево-розовую накидку и пулей вылетаю на... родительское крыльцо в Армавире.

В воздухе что-то изменилось, как перед грозой. Какое-то тяжелое и опасное ожидание. Не слышно никаких звуков. Воздух абсолютно неподвижен – никаких колебаний. Невроятная мертвая тишина. Словно бы жизнь остановилась. Слева от дома за железной дорогой над лесопосадкой видны цветные всполохи.

Перед крыльцом соседнего дома, что стоит напротив, возникает солнечное видение – золотые рыбки запутались в водорослях или деревьях. Изображение похоже на вазелиновый теле эффект – четкий центр и размазанная мутная периферия. Бегу к маме: "Там голографические (я несколько раз пытаюсь произнести это слово) рыбки". Моя речь невнятна и испуганна.

Небо постепенно, как на огромном экране, становится затемненным, но цветным. Полосы сине-коричнево-фиолетовые перетекают одна в другую, потом вспениваются, вдавливаются друг в друга. Изображение складывается и тотчас разрывается.

Я бросаюсь в дом и вытаскиваю маму. Небо продолжает

своей страшный безмолвный танец. И тут возникает звук. Он похож на поиск сигнала сквозь помехи. Словно работающий радиоприемник с настройкой между станциями приема. Звук есть, но нет его конкретики. Шум.

На фоне треска сверху возникает тихий голос с помехами, которые хочется убрать, как высокие частоты, ручкой настройки и вывести громкость: "...мы устали ждать... вам надо... вы уже готовы..."

На крыльце соседнего дома появляется Некто – в рубашке и брюках, но босой. Это его речь с радиопомехами. Он открывает рот, а голос – везде: в воздухе, в небе, под землей. У него странное неприятное лицо – вдавленный с широкими ноздрями нос, никакой мимики, жестов или телодвижений.

Он говорит о необходимости помощи и введении коммунистического правления. У меня внутри холодеет – ведь через неделю выборы Президента (2 срок Ельцина), а нас снова загоняют в загон. И уже не будет никакой возможности дожить до конца века и шагнуть в 3-е тысячелетие. Мелькнула мысль: "У меня дочь".

Из дома выходит парнишка. Он подходит к незнакомцу, подает ему стул и неловко снимает свои тапочки, оставляя их мужчине. Мальчик делает это медленно и как-то обречено. Я подумала, что, когда начнется настоящий кошмар, может, они вспомнят и зачтут нам этот жест доброй воли.

Мужчина невозмутимо обувается и садится на стул. Во-

круг пустота, словно вся земля вымерла, и остались только мы на двух крылечках.

Буквально волоку ноги в большую комнату родительской квартиры. По стене сверху ползет какой-то розовый прямоугольник. Он спускается словно бы на ниточке. Заворожено слежу за его перемещением. Форточка открыта. В середине комнаты у стола сидит милovidная эженицина – светловолосая, коротко стриженная, в чем-то нежно-розовом. Как она появилась? То ли возникла из воздуха, то ли из розового прямоугольника?

Присаживаюсь рядом на стул. Она извиняется, – они могли бы разговаривать лучше. Это техническая недоработка – проблемы с голосом. Сама она говорит чисто и без всяких проблем. Я спрашиваю ее о разных вещах. О детях. У нее сын 12 лет, у меня – дочь. Меня волнуют проблемы учебы и возраста. Она: "Они у нас одинаковые".

Мимо пролетают мухи. Я поймала одну левой рукой и раздавила в кулаке. Она едва заметно скривила тонкие губы. У меня омерзительное ощущение мокроты и гадливости. Снова внимание привлекла серебристо-розовая с вдавленными ромбиками полоска-ленточка на полу – 15-20-тисантиметровая извивающаяся линейка. Я беру ее салфеткой и выбрасываю в форточку. Эженицина пропадает.

Тупо смотрю перед собой в полной панике. Жизнь заканчивается на моих глазах. У наших детей нет будущего. Это – не фашисты. Их не загонишь кровавыми усилиями в свою

нору. Да и флаги́тока для фла́га не предусмотре́но. Нас ждет не война – бойня. Они все знают и все могут. А у меня нет даже телефона.

По стене медленно спускаются еще 2 розовых прямоугольника. Я вскакиваю от отчаяния, срываю их со стены и крепко сжимаю – теплые. Сквозь мои пальцы просачивается темно-розовая жижа. Мечусь по комнате, не зная, что делать дальше – выкинуть или сжечь остатки?

И в этот момент возникает понимание, что именно таким способом они проникают на Землю. Я вслух говорю себе, что сейчас побегу в сарай и сожгу эту дрянь в ведре. Рядом – вся семья. Но нет никого, кроме меня, кто может этих остановить.

Я не успела додумать: "А как к этому отнесется та женщина..."

ПОСЛЕСОНИЕ

Проснувшись, я даже задохнулась от грандиозности увиденного. Попыталась снова заснуть, чтобы довести до конца наиважнейшее дело – сжечь, уничтожить нечисть.

Отчего? По какой причине? Почему мне приснился такой сон? Есть реалии: два дома прошлый и настоящий, дочь, мама, канун выборов...

Это сценарий или что?

Надо защитить прошлое или настоящее?

С 7.30 до 8 утра – извела себя вопросами.

В 8 стала записывать сон.

А потом пошла на выборы: "Голосуй, а то проиграешь!"

Теперь, когда так много всего случилось после того утра, все предстает в другом свете. В смысле – светопредставления. Мощно нас прозомбиривали СМИ! Коммунисты тогда не прошли. Приход "дерьмократов" окончательно обрушил страну. Жадные и оголтелые – свои и чужие – драли ее в клочья. А мы – тупой "электорат" – только и делали, что захлебывались в крови – в буквальной и переносной. Вьючными "лошадьми Пржевальского" разбрелись по восточным базарам, забросили кафедры и пошли торговать азиатским барахлом, проматывали в финансовых пирамидах и игровых автоматах последнее исподнее, хоронили мужиков, как сильную свою половину. Они у нас настоящие – с врагом в открытом бою могут сражаться "не за жизнь – на смерть". А перед врагом невидимым – хитрым и подлым – пасуют. Спиваются по-черному или уходят из нашего мира в тот, "из которого нет возврата".

Потом, сцепив в зубы, мы переживем и последствия кризиса 17 августа 1998 года, трагедию Курска, конструкцию 9.1.1. и авантюру 08.08.08. Знаю, наверняка, что наши "друзья-друзи" еще не однажды проверят нас прочностью. Только откуда им – вшивым овцам, прикидывающимся пастухами, знать, что сталь закаляется, когда ее "из огня – в полымя"?

Странная получается фигня. Раньше мы все пытались их "догнать и перегнать". Теперь уже не бегаем, а они – по-прежнему – на опережение стараются играть. И игрища с каждым годом все мерзопакостнее выдумывают. То журналистку пристрелят, то министра совратят, то "нежным" душам внушат, что они – пуп земли и спасители отечества, и должны поднять на дыбы страну, чтобы "всемирной демократии" было легче лишиться нас памяти, истории и недр.

Но мы уже потихоньку прозреваем и обучаемся, как хохлы, накладывать свое вето на все, что не сало. Впрочем, это уже совсем другая история.

А я все равно почему-то уверена, что не проголосуй я тогда, было бы еще хуже...

СОН

Случилось ужасное. Подруга, ее любимый и я оказались свидетелями нашествия на землю. Мы долго бежали от страха, потом устали и побрели по пустынной каменистой дороге.

На небе стали появляться и быстро пропадать плоские круги, похожие на детские переводные картинки с изображением птиц и древних птеродактилей. Пугающее слайд-шоу. Вдали появилась юркая черная птичка. Она устремилась к нам. Всем своим видом дает понять, что мы должны отправиться за ней. Привела нас к большой заброшенной каменоломне и влетела в узкий лаз. Приятель и подруга

тоже залезли. А у меня не проходит грудь – все тело ободрала, пока протискивалась. Возникло ощущение, что здесь можно спрятаться и переждать вторжение. Но я решила отправиться на поиски того, что нас напугало. Подруга – со мной.

Мы оказались в большом помещении, похожем на спортивный зал. В нем идут соревнования. Мужчины на трибунах активно "болеют". Внезапно в зале появляется группа людей. Нам с подругой они показались подозрительными. Группа "заводит" болельщиков. Они начинают вести себя агрессивно. Вдруг кто-то из мужчин возмутился несправедливостью такой борьбы и неспортивностью поведения.

Тогда в центр вышел Их человек в штанах и с голым торсом. Он казался необъятным. Не толстым, но плоским, как 70 размер – растянутым и сплюсненным. Лицо безликое, ничего не выражающее, как маска. Он ничего не стал объяснять, покрутился в центре, медленно поворачиваясь и демонстрируя себя публике. Потом вытянул руку в направлении возмутившегося. Тот быстро-быстро начал уменьшаться и превратился в медальон размером около 50 см в диаметре. После этого медальон взлетел под потолок и через несколько секунд с глухим пииком растаял, словно след от дождевого пузыря. Был человек – и нет человека.

– Так будет с каждым из вас. – От глухого голоса, идущего из плоского толстяка, зал замер в ступоре.

Всех куда-то погнало. Людей столько, что кажется

здесь – в этой толпе – все население планеты. Небольшая группа, среди которой я и подруга, оказались в другом помещении на допросе-тесте. Допрос ведет молодая симпатичная блондинка. Люди присаживаются на стул рядом с ней. Она показывает картинки, просит сделать вычисления и ответить на вопросы. Женщина лояльна, или мне хочется так думать. Но ее прямые вопросы не оставляют сомнений в нашей участи.

Интерес представляют человеческие реакции – не только правильность, но скорость и точность. Подруга, улыбаясь (неужели она ничего не понимает?), отвечает на вопросы. Готовлюсь сесть после нее. Возникла небольшая пауза, кто-то пытается втиснуться без очереди. У меня защемило сердце. Странные люди, даже гибель цивилизации не способна сдержать человеческие инстинкты. Или это только русская особенность – растолкать всех локтями?

– Нас выпустят? – Спрашивает подруга.

И я поняла по напряженному выражению ее лица и сдавленному голосу, что она все понимает.

– Нет, – коротко ответила блондинка и жестом показала, что допрос закончен.

Я попыталась присесть.

– Достаточно. Большие не нужно. – На меня она даже не взглянула.

Я поняла, что это – все. Надежды выбраться почти не осталось. Пока не ясно, у кого шансов больше – у опрошен-

ных (нисколько не сомневаюсь, что их как-то метили) или у оставшихся? Пытаюсь сравнивать шансы, мысленно мечусь в поисках выхода.

Все разбрелись. Подруга маячит перед столом. Она явно проклинает себя и меня за то, что ушли из укрытия. Страшно и за друга. Мы ничего о нем не знаем: где он, что с ним? Только бы его не нашли. Ведь он – единственный шанс на спасение и нас, и всей планеты.

Мне приходит нелепая мысль о том, что, если бы не большой бют – все было бы иначе. Может, не было бы вторжения? Но это – пустое. Сколько осталось у нас времени? Вот что существенно. Надо продержаться как можно дольше. Решаюсь потянуть время и начинаю сама задавать вопросы блондинке.

– Вы нас уничтожите?

– Да. Затопим планету. Кстати, наверху уже льется грязная вода, прямо на уровне входа.

Мелькнуло в голове – проекция кавказского наводнения?

– Уже началось?

– Не бойтесь, – дама цинично улыбнулась, – еще нет.

– Вы давно на Земле?

– 40 000.

– Лет?

– Нет, дней. Меня прислали все разузнать. – Она отвечает легко и доброжелательно.

Внизу собираются кривоногие человечки ростом не более

30-70 сантиметров. У них в руках разные летающие предметы. Четко вижу один – помесь гусеницы и самолета – с бурозелеными боками. Они, похоже, отправляются на охоту за спрятавшимися. Значит, им надо не просто захватить нашу планету и залить ее водой, но и непременно уничтожить всех людей. Боятся возможной утечки информации?

– Вам понравилось?

– Да. Красивая планета. Я многому научилась.

– У вас должен быть высокий уровень развития.

– Зачем? Мы пользуемся тем, что захватываем на планетах.

– Что у вас тут было? У вас был мужчина?

– Да. Это очень приятно. У нас на такое никто не способен.

– Он вас любил?

– Да.

– А откуда вы?

– Зачем вам это знать? Вы и так все умрете. К чему вопросы?

– У меня, – я медленно поднялась со стула, – уже ничего нет. – Я не говорю о своей семье, точно осознавая, что нахожусь во сне, но и, отмечая, что по натуре я не актриса, та легко бы произнесла любой текст. – Ни дома, ни друзей, ни планеты. Скоро у меня заберут и жизнь. Неужели вопросы – эту последнюю малость – и ту вы... Это что – так трудно поговорить с человеком перед смертью? Вы – жен-

щина. Вы похожи на женщину даже больше, чем я, – красивая, обаятельная. И с будущим. Вам здесь понравилось. Было хорошо. Вас любили. Многие люди на земле согласны за любовь заплатить жизнью, только бы на миг оказаться во власти этого великого – самого великого – чувства. А вас любили!!! И вы легко убьете этого человека?

Женщина, молча, смотрит на меня. Неужели жизнь среди людей со страстями, любовью, сомнениями и желаниями, с красотой и мощью земли не изменили жестокую инопланетную сущность захватчицы? Что-то с ней происходит. Не могу это объяснить словами, но она меняется – не внешне, внутри идет какой-то бурный процесс.

Я пытаюсь придумать, чем бы еще зацепить ее? Блеснула призрачная надежда на спасение. Может, поднажать? Попробовать изменить ситуацию, пока блондинка отвечает?

ПОСЛЕСОНИЕ

Так, лихорадочно обдумывая тактику (на стратегию уже не остается времени) вопросов, могущих изменить ужас случившегося, спасти собственную жизнь и существование планеты, я и проснулась. Сон держал в напряжении несколько дней. Параллели с собой искать даже не пыталась – не интересно.

А вот сюжет – подарок-подарунок! Когда-нибудь развернуть!

СОН-а

Этот сон – один из трех предрассветных сновидений, связанных друг с другом так прихотливо.

Осознаю себя идущей. Вопросом, от чего или от кого ухажу, не задаюсь. День заканчивался, и ясно было, что еще немного, и я войду в ночь без крыши над головой и с перспективой ночлега на семи ветрах. Вдали показалось спасительное жильё, и я заторопилась к вросшей деревянной избушке.

На стук дверь открыла старушка. Она все поняла и без долгих уговоров пригласила войти. Домик состоял из двух комнат и большой открытой веранды. Старушка познакомила меня со своим дедом и внуком. Мальшиа отвели в другую комнату и уложили спать. Дед принес старую шаткую раскладушку, и старушка принялась стелить мне постель. Я постеснялась рассказать, что у меня болит спина, и раскладушка здоровья не прибавит. Темнеет. Старики ушли в другую комнату к внуку. Лежать невыносимо, но в гостях не выкобеливаются. Мучительно жду, когда в доме все уснут, чтобы перетащить постель на пол.

Где-то ухают ночные птицы, и всю стараются сверчки. Под богатый храп из соседней комнаты я решаюсь на перестановку. Но тихо не получилось. Едва шевельнулась, как сильная боль пронзила насквозь, и я не сдержалась. На мой громкий стон приползла бабулька. Глядя на то, как я вылезая из раскладушки, она разохалась: "Чего же ты, до-

ченька, не предупредила, я бы тебе сразу на полу постелила". Она помогла мне подняться и перетащила матрас. С трудом устроилась на новом ложе.

Вернулся старик. Сосредоточенно почесал за ухом, буркнул что-то вроде: "Я сейчас", – и вышел. Удивительно, но я быстро поднялась и проследовала за ним на веранду, чтобы посмотреть, куда он пошел?

Ночь еще не спустилась. Близкие сумерки, казалось, намекали солнцу, что "пора и честь знать". Но светило не торопится. Недалеко от веранды – в 100 метрах – зиял огромной дырой глубокий карьер. На дне люди копошились у машин. Старик спустился с большим цинковым ведром. В него ковшовой лопатой рабочий деловито бросал красную глину. Я поняла, что надо приготовиться к лечебной аппликации. Расстелила простынку на скамье и освободила спину.

Внезапно пошел дождь – не сильный, но явно затяжной. Перебираемся под навес. Только он совсем худой, и легкие струйки быстро образуют лужи на дощатом полу. Пришлось вернуться в комнату. Ночь упала на дом, как покрывало. Сижусь одна в потемках, обмотанная простыней. На веранде зажглись огни, как на деревенской дискотеке. Где-то рядом пели и веселились люди.

Выглядываю наружу. То, что увидела, было страшно и непонятно. В небе появились странные ярко-оранжевые бесшумные объекты. Они были похожи на объемные вырезанные снежинки со структурой, которая напоминала медузу.

Шли сплошным потоком, закрывая все небо. От этого бесшумного полета стало жутко. Никто ничего не замечал. Это еще страшнее. Одна из медуз – бесформенная и туманная – снизилась так, что запуталась в высоких кронах деревьев и вырвалась из веток, оставив на листьях светящиеся анилиновые кляксы.

Следом за медузами пошли такие же бесшумные аппараты, отдаленно напоминающие вертолеты. Они состояли из двух частей: верхняя – похожа на серо-металлическую сигару, нижняя – на темную эллипсоидную гондолу. Вертолеты приземлялись один за другим, из них выходили люди в шинелях первых лет Гражданской войны – из сукна грязно-болотного цвета.

Кричу людям, чтобы прятались. Бесполезно. Веселье продолжается. Бегу в дом, чтобы выключить свет и спрятаться. Не успела. Как столб, прислонилась к стене, прикрывшись одеялом. В дом входят солдаты. Они безучастно проследовали по комнате, как по коридору. Их движения мало напоминали человеческие, скорее автоматические. Лица ничего не выражали. Все это происходило в звенящей тишине. Из звуков слышно только мое спертое дыхание. Мыслей никаких, только жуткий страх и ощущение близкого конца.

Ко мне, судя по всему, подошел начальник. Одеждой не выделялся. Лицо осмысленное, но грубое. Фигура напоминала невысокий шкаф – мощный и старомодный. Общение со мной было натуральным, без всяких мысленных заморочек.

Он спросил: «Что у меня болит?» – "Спина". – И быстро, словно боясь забыть, добавила, – "и коленка". Он кивнул головой, а я судорожно стала вспоминать, а что на самом деле у меня не болит? Он показал небольшой прибор, напоминающий милицейский жезл, и пообещал, что вылечит меня полностью.

Представила себе, как он будет проводить этим прибором вдоль моего тела. Как быстро снизу – от пальцев ног – до макушки – мой организм будет восстанавливаться. Подумала, что, наверное, очки мне больше не понадобятся. И даже зримо увидела, как выплевываю железные коронки – вырастут новые здоровые и красивые зубы. Он, видимо легко читал мои мысли, потому едва заметно улыбнулся.

Именно это и отрезвило меня. А мозги? Мозги мне тоже... Он выжидательно смотрел прямо в глаза. Холодный пот потек по спине. Что же тогда от меня останется? Видимо, что-то изменилось в моем лице, потому что он подошел близко-близко-близко.

И в этот момент я поняла, что не боюсь. Мысленно возникали и уходили вопросы о том, что на самом деле сейчас происходит? Эта внутренняя борьба, вероятно, длилась мгновенье, но решать-то пришлось на ВСЮ жизнь. Вот сейчас, реально, я могла избавиться от всех своих болей и мук, начать новую страницу, изменить судьбу...

Да мало ли что может случиться в новой здоровой жизни? Но вся эта радужная картина разбилась об один факт.

Я ведь часто молилась, но никогда не просила Господа, Богородицу, святых дать или вернуть мне здоровье. Просила помочь в исцелении. Вероятно, отдавала себе отчет в том, что, вознав организм в болезнь самостоятельно, и выбираться из нее я должна сама. Мне нужны были только ориентиры верной дороги.

Если это так, то тогда ЧТО передо мной? Господь послал мне помощь? Или это – искушение? Если это – искушение, то КТО меня искушает? Где-то в глубине души подлая подсказка, конечно же, шевелилась, – не надо ничего усложнять, бери, что дают.

– Ну, что?

– Нет, спасибо. Как я могу быть уверена в том, вы только избавите меня от болезни, ничего не меняя в моем сознании? И кто даст мне гарантии, что со временем, я не стану для вас просто подопытным кроликом, которого в любой миг можно будет забрать откуда угодно для экспериментов?

Он переступил через какого-то лежащего человека и пошел к выходу, но внезапно вернулся: "А ты не пожалеешь?" Я ответила, что, конечно, могу и пожалеть, но это ничего не меняет.

ПОСЛЕСОНИЕ

Проснулась от потрясения, и некоторое время лежала с закрытыми глазами. Никак не могла решить, правильно ли

поступила? Отказалась от помощи или отвергла искушителя? Одно меня оправдывало. Я была уверена, что, если бы, действительно, было послано избавление от болезни, то избавитель выглядел бы иначе. Нет. Решение я приняла все-таки правильное.

Зачем понадобился карьер, сказать определенно трудно. Но, если учесть мой "бродячий" сюжет о выдавливании болячек, карьер – просто квинтэссенция глубины страданий. Если же принять во внимание, что глина бралась из этой глубины, то тогда и избавление от страданий, соответственно, находится на самом дне этой боли. То есть, боль, получается, можно победить болью. Правда, во сне мне это проверить не удалось.

Про дом и его обитателей могу предположить только собственное системное неумение отстаивать свои желания, даже, если это сопряжено с дополнительными страданиями. Кроме этого, есть еще один важный момент. Люди меня не слышат даже тогда, когда во мне заключено, быть может, их спасение. Это уже похоже на систему. Неприятно.

Что до инопланетной части, то это объяснить и легко, и просто. В последнее время на всех каналах только ленивый не рассуждал о близком вторжении и конце света. Впрочем, в разных облициях эти сущности не раз уже вползали в мои сны.

Следом за этим сном начался следующий, на протяжении

которого, смотря его и присутствуя в качестве главной героини, я продолжала размышлять о правильности выбора, сделанного в предыдущем сне.

Именно это обстоятельство для меня не просто загадка – грандиозность явления!

Бывало раньше, я "прокручивала" сонные события, но, чтобы в одном сне анализировать другой одновременно с новыми событиями... Такого в моей сновидческой практике еще не бывало. Представляю, что могут подумать "нормальные" доктора.

СОН-6

Сон начался в квартире на Арбате. Вернее, не в той квартире, где я жила, а в доме, который, судя по географии сна, находится или рядом, или на месте ресторана "Прага". Из окна (на уровне 4 или 5 этажа), выходящего на фасадный Арбат, я разглядываю угловой 3-х этажный дом красного кирпича, который стоял на стыке Арбата и Гоголевского бульвара. Рядом с ним – стена в стену – прислонился желтый 2-х-этажный особнячок. На красном доме – вывеска какой-то продуктовой лавки. Решаю зайти в нее.

Долго преодолеваю длинный темный коридор, выходя из огромной квартиры, совсем не похожей на ту, в которой когда-то жила. Спускаюсь по винтовой лестнице – боюсь таких – и выхожу на Арбат. Родная улица совершенно не похожа на себя. Прохожих ранним прохладным утром почти

нет. Почему-то направляюсь не в лавку, а в противоположную сторону – иду к метро "Смоленская" по правой стороне.

По дороге прокручиваю предыдущий сон и пытаюсь понять, что мне хотело поведать подсознание? Перебираю разные варианты и останавливаюсь на том, что, скорее всего, это было испытание искушением. И не важно, кто и с какой целью подверг меня ему. Для себя я выбрала самый правильный и единственно возможный вариант. Если НЕКТО ДОБРЫЙ хотел меня исцелить, он не стал бы искушать верой. Конечно, я не знаю, ни как Он выглядит, ни как выбирает цель, ни как действует. Но уверена, что испуг не входит с Его арсенал для подобных случаев.

И еще. Станным представляется сама последовательность помощи.

– Я прошусь на ночлег, оказавшись в незнакомом месте ночью.

– Хозяева перестылают мне постель с раскладушки на пол.

– Дед с одного взгляда определяет, что мне плохо и собирается сделать мне аппликацию.

– Пришельцы, появившиеся с пугающей быстротой и непонятной целью, тут же предлагают не просто вылечить, а, практически, меня изменить.

Рассуждая о виденном во сне, еще раз убеждаюсь, – я поступила правильно. Если бы наяву мне предложено было

что-то подобное, точно так же отказалась бы от халявы.

– Здоровье – самое ценное у человека. – Говорю это вслух, не обращая внимания на прохожих. – Оно в списке приоритетов идет следом за жизнью. И здоровье – это то, что человек должен САМ сохранять. – Останавливаюсь у здания бывшего министерства культуры и, задрав голову, кричу в небо. – Жизнь не лечится таблетками!

Наверное, мне нужен именно такой акцент, чтобы придать особый статус выводу о правильности поступка. Прохожие понимающе кивают головами. Щуплый дедулечка даже бросается обниматься. Улыбаюсь, глядя в витрину, и облечено вдыхаю свежий утренний воздух.

Тут же возвращаюсь в начало СНА-б и... перехожу в сон следующий.

СОН-В

Поворачиваюсь к Вахтанговскому театру. К его правой стене примыкает большая, огороженная высокой металлической решеткой строительная площадка. В центре возвышается странный круглый подиум высотой около метра. Из его середины торчат несколько черных железных прутьев разной высоты. Разглядываю через решетку странное сооружение и вдруг оказываюсь рядом. Под рукой ощущается холодный металл. Это я пытаюсь достать до ближне-

го прута. Не получается. И ладно. Теряю всякий интерес к сооружению и возвращаюсь к красному домику в начале Арбата.

Хозяин уже открыл свою лавку. Некоторое время изучаю витрину, а потом захожу в магазин. Передо мной – крохотное пространство. Слева от двери – стена, а справа и напротив – витрины, заполненные продуктами. Витрины старомодные, такие когда-то были в старом Елисейском магазине – высокие и покатые. Внутри правой витрины разложены куски парного мяса, сала и мороженой рыбы. В центре за стеклом – молочные продукты с огромным сырным разнообразием. Рядом – бакалея. Внимательно изучаю товары. Пытаюсь понять, зачем пришла в магазин? Что мне нужно?

Природа вопросов проста. В моем кошельке – это я знаю точно – только 150 рублей (килограмм самой плохой колбасы). Продавец-кавказец, стараясь услужить, угодливо предлагает мясо, копчености и колбасы. Я понимаю, что просто так уйти без покупки из магазина не вежливо и, заметив аппетитную грудинку по 320 рублей, прошу отрезать мне кусок граммов на 200 – мне хватит на это денег.

Хозяин медленно отрезает кусок и, завернув его в промасленную бумагу, называет цену – 400 рублей. Я в недоумении – как 200 граммов могут стоить больше цены за целый килограмм? На что продавец разводит руками: он отрезал больше, но ведь продукт так хорош, что я не буду на него

за это в обиде. Говорю, что у меня нет возможности оплатить, потому что располагаю только 150 рублями. Продавец улыбается: "Женщины никогда не знают точно, что у них есть в сумочках?"

Мне совсем не хочется спорить с ним. Лезу в сумку и нахожу в ней часть 500-рублевой купюры – с цифрой на обрывке. Хозяин довольно потирает руки и забирает мою сумку. Он вытряхивает ее содержимое на прилавок. От такой наглости я...

... почти просыпаюсь с уверенностью, что и это испытание прошла! Выйдя на улицу, расправляю плечи и почему-то с сожалением думаю о том, что, скорее всего, у меня не будет большого просторного дома с зеленой лужайкой, по которой будут носиться радостные и ухоженные собаки...

ПОСЛЕСОНИЕ

Не открывая глаз, "прошлась" по сну.

Понятно, что сны как-то связаны между собой, и хорошо было бы понять не только эту последовательность и логику, но и смысловое содержание. Ясным представляется одно важное обстоятельство.

Если первый сон предлагает мне искуc, то второй подтверждает правильность выбора в первом. А смысл прост – я могу рассчитывать только на себя, свои силы и возможности. Есть у меня 150 рублей – надо плясать именно от этой суммы.

Похоже, сон подготавливал меня к главному конфликту – сознательному выбору между полярными явлениями: ответственность желаний и возможностей, слабость плоти и сила духа, страх боли и смелость мысли.

В физике, кажется, есть закон сохранения массы. Что-то вроде того, если убыло в одном месте – прибыло в другом. Прошу ученых дядечек не бить меня сильно за вольности с наукой. Только нельзя, заплатив копейку, получить на рубль. Жизнь – не финансовая пирамида. В ней все логично и строго. Если получишь сейчас, придется расплачиваться – возвращать – потом. Зачем? К чему провоцировать судьбу, заставляя наказывать саму себя?

Могу с уверенностью сказать, я – молодец!

СОН

Я в гостях у друзей моих родителей, живущих недалеко от нашего дома. Женщины готовят какой-то грандиозный обед-ужин. Что-то чистится, варится, томится. Все заняты делом – разделявают мясо и рыбу, рубят салаты. Много суеты. Но у меня нет конкретного дела. Тогда мне поручают раскладывать соленья на тарелки. Я вынимаю маринованные огурцы и помидоры из банок. Внешний вид овощей не нравится – они мятые, надтреснутые и какие-то старые. Решаю поискать другие заготовки в погребе в сарае.

Выхожу на улицу и обомлеваю в полнейшей тишине. Ни единый звук не нарушает невероятную красоту неба. В

ясной даже пронзительной голубой сини разворачиваются невероятные подвижные картинки.

Распускаются невиданные цветы, причем, со скоростью убыстренной съемки – от ростка к бутону и самому цветку. Плавают, блестя чешуей, экзотические рыбы рядом с торжественными райскими птицами самых невероятных расцветок. То слева, то справа появляются лица – по преимуществу мужские. И что удивительно, точность – фотографическая.

Вид у этого великолепия как на маминых вышивках. Мне даже сдается, что я различаю отдельные стежки шелковой глади. И все подвижно сменяется, разворачивая новые фрагменты каких-то незаконченных или – наоборот – завершенных картин. Образы возникают из синевы и в нее же уходят, освобождая место для новых картин.

Небо завораживает буйством красок и динамикой движения. Подхожу к железнодорожным путям и заглядываю за насыпь – ни единой души. Получается, что никто в мире этой красоты не видит. И тогда я срываюсь с места и несусь в дом. Тормошу всех, сбивчиво объясняя, что на небе творится что-то невообразимо прекрасное, и надо быстро выходит на улицу. Но от меня, как от назойливой мухи, отбиваются. Не до картинок. Надо завершить подготовку. Расстроенная, выхожу на крыльцо.

И в это время, близкое к полудню, резким щелчком небо выключается, и падает ночь. Но не черная, а черно-серая.

Небо видно. Но на нем уже нет великолепных картинок. Отсутствуют звезды и луна. Проявляются, словно тени, странные белесые фигурки, похожие на глубоководных рыб – но без голов и хвостов – просто вытянутые сущности с одинаковыми концами. Они двигаются в небе по геометрическим траекториям – эллипсам, квадратам, воронкам, по-прежнему, в безмолвии и безлюдии.

Задрав голову, я наблюдаю за движением этих сущностей, полная сожалений о потерянной райской красоте. В голове – совершенная пустота, гулкая, как глубокий колодец.

ПОСЛЕСОНИЕ

Пробуждение было мгновенным и восторженным. Какая красота! Что это и почему?

Мне показали небо, которое могло быть доступно только мне. Именно потому его выключили, чтобы никто не увидел то, что предназначено лишь для меня. Думаю, что ничего сверхъестественного и ЧУЖОГО в моем сне нет.

Скорее всего, это – мамина весточка накануне Пасхи. Мысль о поиске веры выглядит нелепой. Я человек верующий, хотя и не воцерковленный. Поиск Учителя давно уже перестал вдохновлять. Искать надо самой и – СЕБЯ. Это – единственный путь к Богу.

Думаю, мамочка откликнулась на мои мысли. Вероятно, они были реализованы не случайно. Она – и именно она –

творец этого сна. Мама показала мне, что страхи о том, что ей плохо, и она находится в месте, где сосредоточены вечные страдания, – беспочвенны. Иначе, зачем ей было показывать мне ТАКУЮ красоту? Мамочка любила рассматривать книжки с экзотическими животными, и собирала красивые картинки для будущих вышивок. Это – ее красота.

Сложнее с лицами. С одной стороны, мне дано понимание того, что они вышиты. С другой стороны, я не заметила женских лиц. Правда, могу заблуждаться, потому что, первое лицо было мужским и так меня поразило, что я, вероятнее всего, именно на нем и заикнулась. А, может, это знак того, что там, где мама находится, есть и другие души – не только женские.

Или – МОЕ УПОВАНИЕ, может, это – новый лик папы? И они – ТАМ – вместе?

В любом случае, это мамин привет вышивкой: "Успокойся, Аленка, все в порядке!"

СОН

Нахожусь в неизвестном мне доме с людьми, с которыми я едва знакома. Это актриса из сериалов со своим молодым человеком. Они готовятся к какому-то концерту. Расставляют на импровизированном подиуме низкие журнальные столы. На них раскладывают пластины разноцветных обработанных и отполированных камней. Такие же – только большие – в определенном порядке по 3-4 вместе в разных

геометрических конфигурациях они развеивают на стенах. По бокам и над пластинами – размещены большие экраны.

Девушка пробует пластины. Она подносит руки к тем, которые разложены на столах, осторожно и медленно водит ладонями над ними. На больших настенных пластинах и на экранах мгновенно возникают цветные сочетания. Они и калейдоскопические, и вибрирующие, как северное сияние. Буйство совершенно невообразимых форм и оттенков. Одновременно с буйством красок возникает невероятная космическая музыка. Она похожа на записи полузабытой Имы Сумак.

Стоит поднести руку к камню, как он отзывается, словно живой, завораживающей цветомузыкой. Я пытаюсь понять принцип цветосвязи – нет никаких проводов, вообще нет электричества. Как же камень через человеческие руки транслирует свой феерический мир?

Ни девушка, ни молодой человек, ничего внятного объяснить не могут. Они даже не улыбаются – просто настраивают свои "инструменты", разогревая руки и протирая чистыми тряпочками блестящие поверхности. На мое: "Какую публику они ждут?" – Недоуменно поворачиваются. Вопрос о публике, похоже, поставил их в тупик. Им все равно, кто придет. Более того, они почти уверены, что никто не придется.

Я путано пытаюсь им доказать, что об этой невероятной фантастической технологии должны узнать люди...

На языке вертится, какое-то давнее название... Но они, отвернувшись от меня, сосредоточенно продолжают заниматься своим делом, заставляя пластины на стенах и экраны буквально полыхать нездешней красотой под музыку сфер.

ПОСЛЕСОНИЕ

Первое, что пришло на ум, дочка точно также – как минимум внешне – демонстративно не занимается продвижением своего творчества, хотя у нее роскошный голос и очень интересные песни. Нет, она поет. Охотно поет, но только для друзей. Поверить до конца в то, что ей не хочется расширить круг своих почитателей, я не могу. Но она на самом деле не предпринимает ни малейших усилий для самопиара.

Сон показал любопытную камне-цвето-музыкальную технологию. Еще в сновидении мелькнула мысль о некоем соответствии. После пробуждения вспомнила о терменвоксе. На этом инструменте играл скорее не музыкант, а технарь с музыкальным слухом. Звук получался при помощи манипуляций в электрическом поле рядом со специальными антеннами. Внешне это выглядело, так же таинственно, как и во сне: руки свободно поднимались и опускались, расходились и сходились, рождая любые мелодии – от классических до космических.

Однажды я это видела в каком-то фильме. Наверное, сон – к месту – вытащил это знание из глубины памяти. Хотя,

возможно, в данном случае, был использован какой-то другой принцип. Ведь антенн я не заметила. Впрочем, подлинное открытие не нуждается, как минимум, в первое время, в постороннем глазе. Но тогда, зачем это показали мне? Если разговор о технологическом открытии – я пас. В точных дисциплинах я полный профан.

Есть простое объяснение. Накануне мы поспорили с приятельницей о камнях. Она говорила, что в путешествиях видит живые камни. На мой взгляд, это были только слова. Камень оживает только в любящих или понимающих руках. Он отзывается на человеческое тепло и любовь. Ему нужен непосредственный контакт – только так можно почувствовать живой отклик. В путешествии же человек просто праздный даже не наблюдатель – путник, идущий прочь.

Для меня камень – душа: медленная, древняя, мудрая. И этой душе нет никакой нужды до такой песчинки во времени, как человек. Общность и близость камню нет смысла демонстрировать. Я могу лишь надеяться на то, что изредка совпадаю с ним во времени. Такое чувство у меня иногда возникает в момент соприкосновения с агатом, видимо, моим самым любимым камнем. Но и таких мгновений немного.

Я даже почти уверена, что пластины были изготовлены из камней определенной структуры – слоистой, с блестящими полупрозрачными пластами, в которых внутренние связи иные, чем земные: и сцепление, и напряжение, и прочность. Именно поэтому, наверное, они способны рождать не только

внешнюю броскую и завораживающую красоту, но и внутреннюю – могучую и прекрасную музыку вселенной.

СОН

Наблюдаю Землю с орбиты.

Передо мной – погибшая безлюдная планета.

Я понимаю, что нахожусь на каком-то корабле, который летает по орбите Земли и снимает данные. Но не только те, которые фиксируют настоящее состояние планеты, но то, что с ней случилось, – в обратной хронологии.

Я смотрю на Землю, и передо мной "летит", как фильм, история планеты от сегодняшнего дня – к прошлому. Не сразу соображаю, что надо снять хотя бы на видеокамеру или фотокамеру то, что мелькает перед глазами.

С ужасом понимаю, что у меня телефон с ограниченным ресурсом памяти.

А это значит, что со мной останется только то, что успею запомнить.

ПОСЛЕСОНИЕ

Проснулась в слезах. Мама, мамочка. Я уже ничего не верну. Мне осталась от тебя только память. Конечно, я буду приходить к тебе. Но то, что внутри холмика, уже никогда не будет тобой.

Наверное, поэтому история Земли в моем сне закончилась. Конечно, как говорят, время лечит. С папой это тоже

однажды и навсегда произошло.

Но сейчас, я остро понимаю тебя и то, с чем ты прошла свою жизнь. С ощущением сиротства. Вот и я теперь – сирота. Кажется, впервые осознала, что это и есть на самом деле – одиночество. С уединением я жила всегда. Везде чувствовала его, не зависимо от того, был кто-то рядом или нет. Но теперь – на полном основании могу считать, что уединение закончилось. Началось великое время одиночества.

Мамочка, родная, ты была последним, что связывало меня с прошлым. Осталась только память. Раньше всегда могла у тебя спросить, так было или нет? И услышать ответ. Я полагалась на тебя, как на себя. Вот и все. У себя осталась только я. Дочка – будущее.

Но с прошлым связь теперь только через собственные воспоминания. Больше мне спросить уже не у кого.

А память – ограничена, как ресурс батарейки.

Но я верю, что могу вызвать любой эпизод.

У меня остался СОН.

Он – волшебник. Он обязательно поможет, когда я его попрошу.

Вполне допускаю, что сейчас я смотрела на нашу планету глазами мамы – ОТТУДА. Потому и вышло, что жизнь на Земле закончилась. Для нее – закончилась. Теперь она знает то, что недоступно никому из живущих. И потому история ей представляется – в обратной хронологии.

Для ушедших все, что было на земле, – погибло. Мама

просто показала мне, что теперь для нее Земля – погибшая планета.

А я...

Могу только сожалеть, что не имею возможности записать то, что проносится перед моими глазами. Не случайно, наверное, в памяти не осталось этих кадров. Только знание, что вижу их мелькание. Мне не дано помнить не кадры – подлинную хронологию.

Это еще будет. Тогда, когда придет МОЕ время.

Киностудия сна

Кем написан был сценарий?

Что за странный фантазер

Этот равно гениальный и безумный режиссер?

Как свободно он монтирует различные куски

Ликованья и отчаянья, веселья и тоски!

Ю. Левитанский

Самое невероятное, что совершенно не укладывается в моей голове, – работа сознания во время сна. Мысли в сновидении, параллельные действию, чувствам и поступкам, совершаемым во сне мной или другими персонажами. Такие мысли, наверное, существовали всегда во снах. Но только в последнее время я начинаю их точно фиксировать. И удивляюсь этому уже внутри самого сна.

Какой невероятный восторг! Спать, знать, что спишь, думать внутри сна, и знать, что думаешь именно внутри сна. А еще – это помнить!

Как же я рада, что сон – вечный и верный друг, советчик, рефери – помогает жить. И разве может банальное "спасибо" хоть в какой-то степени отразить мое истинное преклонение перед этим величественным Божьим чудом – СНОМ.

Еще невероятнее – удивительные дары в виде готовых сюжетов. Они практически представляют собой сжатые исто-

рии, которые при желании можно превратить в развернутые произведения или использовать, как части в большом замысле.

Сон приходит к человеку только тогда, когда тело находится в состоянии расслабления и покоя. Днем, у тела нет отдыха. Оно все время в движении, даже, если просто валяется на диване. В любой момент мышцы готовы к работе. Этим день тела отличается от ночи тела. Потому что ночь меняет все. Ночь для тела все равно, что день для солнечных батарей – накопление энергии рабочего состояния.

Но мозг...

У него совершенно другая жизнь – ИНОЖИЗНЬ.

Почему-то я совершенно уверена, что мозг в человеческом теле – ИНОПЛАНЕТЯНИН.

Не надсмотрщик – НАБЛЮДАТЕЛЬ.

И потому так интересно понять, на каких принципах он существует? Если тело люди изучают уже давно и многое про него знают, то мозг – вместилище всех человеческих тайн. Раскрыв одну, исследователь тут же обнаруживает, что далее, как говорил остроумный И. Л. Андроников: "Потемки дремучие, и никаких перспектив". Второй век изучения мозга многое прояснил и в физических, и в нейронных, и в прочих связях с организмом. Ученые уверяют, что уже понимают функциональное значение многих его отделов. И никто не запретит мне в это верить, хотя до сих пор многое ис-

следователей ставит в тупик. Подозреваю, что так будет продолжаться до тех пор, пока сам Изобретатель не снизойдет до нашего любопытства. Впрочем, не вижу в этом никакого смысла. Иначе, зачем вообще было затевать эту увлекательную игру в человека?

С каких это пор "мышке" позволено разбираться в резонах "кошки"? Известны некоторые странные примеры. Таковой, как потеря части мозга вследствие травмы. Это должно было бы привести к утрате некоторых функций, но... не привело. И, вопреки всем прогнозам и клиническому опыту, у человека не изменилось качество жизни. Специалисты могли бы привести и другие случаи, когда внешнее или внутреннее вмешательство – удар молнии, последствия клинической смерти и пр. – приводило к парадоксальным и необычным изменениям не только мозга, но и характера, и глубинных свойств самого человека. Некоторые пострадавшие вполне могли бы считать себя наоборот – приобретшими. Новый опыт, знания, способности, умения и, что самое важное, – смысл.

Сегодня по всему миру в секретных – и не очень – лабораториях исследуют мозг. Уже научились разными, в том числе и химическими способами стирать память – по частям и полностью, как сохраняя функцию восстановления, так и уничтожая ее. Стало доступно блокирование навсегда или на время определенной информации. Можно загружать новую информацию, развивать способности, которые расширя-

ют представления о возможностях нашего мозга.

Только странное дело, многочисленные скальпели расковыряли всевозможные закоулки извилин, а мозг продолжает вести себя явно не по-джентльменски. Он, как самый настоящий стопроцентный русский, на ожидаемое действие выдает непредвиденную реакцию. И, как бы самоуверенно исследователи не потирали руки в предвкушении окончательной победы над мозгом в виде полного контроля, думаю, что до финиша им, как до созвездия Альфы Центавры. Или... Это будет Пиррова победа.

Ночь просто перестанет играть особую роль в жизни людей. Ей придется уйти из жизни человека. Нет, физически ее никто не отменит. Законы природы – пока не наша прихоть. С этим "пока" никаким диктаторам и сумасшедшим ученым не совладать, хотя пытаются, забыв о принципе бумеранга.

Впрочем, это – не моя песня.

Мозг – наш страж действительности. Чтобы мы могли почувствовать себя, словно бы в детстве, когда между улыбкой и слезой расстояние – в миг с кепкой. Он дарит сон, как связь с основополагающим человеческим свойством – непосредственной реакцией на жизнь – без мути законов, обязательств и морали.

Наука скачет по этому маршруту, предложенному еще фантастом А. Беляевым, как сумасшедшая лошадь без жокея. Если человек лишится сна, мы, наверняка, останем-

ся без внутреннего наблюдателя. Сознательно исключив сон (желающих уже предостаточно), человечество навсегда утратит способность к фантазии и ... доброте.

Сон в нашей жизни – джем-сейшен! Праздник для посвященных! Лучшее, что у нас есть. Единственная подлинная собственность. Удивительнейшее из наслаждений. Если кому-то посчастливилось присутствовать на после концертных посиделках, когда музыканты играют для себя, а не для публики, тот понимает, что имеется в виду свободное творчество свободных художников, объединенных желанием доставить друг другу радость. Так что, время сна – показательная программа мозга для своего хозяина. Лишенный возможности погрузить человека в грезы и фантазии, мозг регрессирует в обычный орган и превратится в простой функциональный компьютер.

Продолжением этой "эволюции наоборот" будет то, что человек навсегда утратит душу – особое божественное состояние, объединяющее нас со вселенной. Именно это, а не грядущий многовариантный апокалипсис, и станет гибелью нашей цивилизации.

Чем отличаемся мы от зверей? Да, безусловно, сознательной деятельностью, изощренным разумом, умением логически мыслить, анализировать ситуации и события, составлять прогнозы, обращаться к ассоциациям... Но и МЕЧТАМИ, ГРЕЗАМИ, СКАЗКАМИ.

Волку сказки не нужны. Он всегда в поисках еды. И за-

пах плоти и крови для него и есть смысл жизни. А у крови нет понятия красоты – только целесообразность, инстинкт и воля к жизни. Неужели мы хотим оставить себе только эту красоту – волчью?

Тогда выжившие "счастливчики" будут молиться не о приходе сна, а о его неуходе.

У человека на земле не останется ничего личного, когда закончатся сны.

Хорошо представляю себе вашу улыбку, мой дорогой читатель. Я не пою осанну сну. Хотя, нет.

Я пою сну осанну!

Я признаюсь ему в любви

И очень боюсь утратить способность видеть сны.

И снова прошу не волноваться по моему поводу всех, чья профессия начинается с "психо". Поверьте, со мной все в порядке, пока не наступил КОНЕЦ СВЕТА.

Как часто даже самый скрытный и неразговорчивый человек ощущает потребность в собеседнике, равном самому себе. Я не имею в виду высокомерное соответствие-соревнование положений, возможностей, должностей, кошельков, особняков и яхт. Важна встреча с другим, имеющим похожий опыт жизни, уровень развития, ценностные приоритеты и отношение к миру. Так вот, иногда, пусть даже мы себе в этом не признаемся, хочется быть с кем-то распахнутым, откровенным до конца – до самого доньшка.

Но с кем?

С кем это возможно?

С родителями? От них нас давно отделяет или завеса возраста, или трагическая невозможность.

С детьми? Но что они понимают? Может быть, когда-то, когда дорастут...

С коллегами?

Друзьями?

Любимыми?

Супругами?

Случайными попутчиками, которых, наверняка, больше никогда не встретим?

Во всех наших отношениях имеется Рубикон, который перейти можно лишь однажды – под пыткой или от глупой наивности, и то... Это будут только факты. Мыслей, чувств, эмоций, надежд или разочарований мы передать все равно не сможем. Да и не захотим. Именно, не захотим. Чтобы не остаться окончательно голыми. Не обнаженными – голыми, такими, как есть.

Во сне голому человеку на голой земле не страшно. Это – естественная среда обитания души. Там мы, как рыбы в воде или птицы в воздухе, только без физических усилий и сопротивления среды. Парим сказочными эльфами.

Глупо отрицать, что некоторым снятся жуткие сказки,

кошмары и монстры.

Только сон в этом не виноват.

Сознание возвращает человеку в виде страхов и ужасов его дневные представления о мире.

И чего же мы хотим от мозга, если живем внутри войны?

Только даже замураванному в темнице, снится воля – с Сознание возвращает человеку в виде страхов и ужасов его дневные представления о мире.

голубым небом, первым поцелуем и чьей-то лаской. Не знаю, как и какие надо разрушить оковы и стены, чтобы ночью не приходили чудища.

Как получается, что одни сны – крохотульки на миг, а другие – масштабные истории с хорошо закрученными сюжетами? На запись и расшифровку некоторых уходит весь день.

Не устаю удивляться невероятной скорости мысли. Недавно узнала, что где-то проводятся исследования на предмет мозговой активности, вернее, изучения мозговых излучений. Ученые почти доказали, что мозг каждого человека посылает в пространство постоянные импульсы некоей энергии. И обратно получает такие же сигналы. "Морда, морда, я кирпич, иду на сближение". Но, кроме шутки юмора, жуть, как интересно. Правда, пока не ясно, чего больше – интересного или жути?

Но я верю в человека!

Он может все!

У него есть не только свобода воли, но и свобода фантазии! Захочет – придумает! Не захочет – врачи залечат, или водка с наркотиками успокоят.

А я как-то привыкла по старинке – ищу утешения во сне. Он – мой верный товарищ. Да и лет мне немало, так что него же друзей бросать.

Тем более, что переправа впереди – одна, зато – последняя. Главный сон жизни – окончательный. В него лучше с тем, кому доверяешь безраздельно.

И потому каждый вечер я предвкушаю, несмотря на усталость или раздражение, – волшебное ожидание.

ЧУДО сеанса личной киностудии сна.

Признаюсь, привыкнуть к этому чуду не могу до сих пор.

Как часто люди проходят мимо таланта и поют осанну примитивной подделке. Или, наоборот, пытаются усложнить то, что на самом деле является НИЧЕМ – лишь иллюзией тайны. С тех пор, как существует искусство, человек пытается ответить на многочисленные вопросы, с ним связанные. Нас нешуточно занимает тонкая грань, отделяющая искусство от неискусства.

Сегодня, когда рисованный во весь пролет разводного моста мужской детородный орган признается достижением современного художественного высказывания, этот спор пе-

рестает быть простой схоластикой. Не удивительно, если вспомнить, что разврат и мат давно и прочно прописались на всех "полянах" искусства. И до признания этого хулиганства классикой осталось немного – назначение "смелого министра культуры", который подпишет указ, где черным по белому обяжет поместить эти "художества" в школьную программу.

Я могу допустить, что годы делают меня непримиримой. Впрочем, стоит ли удивляться? Сколько раз на моей памяти я шла в противоположную сторону от четко марширующего строя? Кроме того, всегда считала, что суть взаимоотношения искусства и жизни должна сводиться к сложнейшему из деяний – НЕ СУДИТЬ, НЕ ПОНИМАЯ. И надо учить себя вникать в сложное. И не считать свое мнение истиной в последней инстанции. Но все равно, мне не хватает толерантности считать восставший фаллос искусством. Это под силу только министерству культуры РФ.

Для тех, кто занимается искусством профессионально, вопрос о том, что такое само ИСКУССТВО, не стоит. Любой художник объяснит, что искусство – это отражение действительности в образах. Но, чем глубже художник погружается в ткань своего искусства, тем чаще он задает себе вопрос – детский вопрос – действительно ли искусство – это просто образное отражение жизни? И дело не только в том, что основанием для "преображения" может быть любой повод. Это еще А. Ахматова горько подметила:

"Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда".

Самое любопытное, что никто не интересуется мнением самого "сора", который мы не замечаем.

Следующий сон как раз о том, что под ногами. Ему больше двадцати лет. Он изредка посещает меня, и всякий раз старается обратить внимание на некую определенность – деталь, вид, мысль. За эти годы накопилось 18 записанных вариантов. Были версии, рассказанные с одной стороны, потом – с другой. Несколько сюжетов представляли собой диалог посторонних персонажей. Кроме того, однажды я смотрела на "героя" сна словно бы сверху – с огромной высоты, но при странном приближении: я спускалась и внедрялась внутрь, становясь самым героем. И все мои мысли были и не моими, и не его, и не пространства – просто мыслями.

В будущем, наверное, я попытаюсь на базе этого сюжета написать что-то отдельное, чтобы понять глубинный смысл самой трансформации сна. А теперь предлагаю обобщенный вариант, основанный на идее отношений части и целого.

СОН. ПОКЛОНЕНИЕ КАМНЮ

Старая дорога. Редкие путники. Два камня. Мое размышление вслух при рассмотрении камней.

Один – обыкновенный булыжник, другой – обработанный алмаз, то есть – бриллиант. Если не принимать во внима-

ние внешние отличия, то перед глазами два совершенно одинаковых камня. Конечно, они разной формы, цвета, размера, веса и пр. Но, по сути, их природа одинаковая – неживая. Они осколки вечности, которыми при желании и возможностях может владеть человек.

Но кто может быть уверен, что они – совершенно мертвые? Они таковы в нашем представлении. И тот, и другой появились задолго до нашего рождения, может быть, даже до появления человеческой расы на земле. Они – суть явления природы, ее усилий. В природе все разумно, хотя, с точки зрения людей, не все – целенаправленно. Можно спорить и не соглашаться с этим, но можно и разделять точку зрения на то, что любое явление имеет значение: землетрясения, извержения вулканов, ураганы, горы, моря, леса... и отдельные камни. И эти отдельные камни имеют свою судьбу – историю, смысл и, следовательно, цель.

Природе нужно было все, что она сотворила: и галактические расстояния, и планетарные катаклизмы, и паразиты, и вирусы, и ее разрушитель – человек. И вот держит он в руках два непохожих с виду камня и один после раздумий оставляет, а другой выбрасывает. Ему невдомек, что, может быть, он выбросил философа, а оставил прощельгу. Глубоко под землей, в толще воды, среди прибрежного песка, внутри скалистой породы любой камень несет в себе не просто информацию о составе, но еще и ПРОМЫСЕЛ. Конечно, человеку трудно вообразить мысль неживого булыжника. О

чем это он может размышлять? Уж, не о вечности ли?

На первый взгляд это смешно. А на второй? Что, если допустить наличие такой мыслительной деятельности? Тогда ценность камня становится неопределима сегодняшними методами. Не могут разные камни думать об одном и том же, да и качество их мыслей, наверняка, будет разным...

А мы ходим, пинаем их, мешаем предаваться рассуждениям. Хотя, им, наверное, все равно, где, как, и в чем они сами находятся...

Для них мы – песчинки, занесенные прихотливым ветром. Вот мы есть, а спустя несколько мгновений нас нет. И снова никто и ничто не стоит между ними и вечностью.

Но пока... они неживые. И мы вольны относиться к ним так, как нам нужно, используя в исключительно прикладном значении – в виде тротуаров, метательного оружия, оградительных сооружений, талисманов... и предметов роскоши.

Камень под ногами и бриллиант – в наших глазах несопоставимы. Бриллиант имеет ценность не только потому, что тверд, прозрачен и блестящ. Он ценен кропотливым трудом, вложенным в его внешний вид. Однажды – так давно, что и не определить, кто-то выделил его из общей массы и придал индивидуальный вид. Изменения понравились окружающим. И вот уже сотни рук обрабатывают грани минерала, тысячи глаз "пожирают" его блеск, миллионы страж-

дущих желают им обладать. Все это и составляет понятие ДРАГОЦЕННОСТЬ.

Алмаз – усовершенствованный простой графит. А столько крови на его совести!? Сколько муки и счастья, сколько возвышенных судеб и низменных поступков, несправедливости, проклятий, сломанных карьер, вознагражденных подвигов, девичьи грез и мужских фетишей. И все-таки...

И все-таки тепло наших рук согревает именно его – драгоценный камень. Коварная природа смеется над нами. Человеку нужен блеск, чтобы обладать властью. Простота вынуждена отступить и уйти в тень.

Не потому ли высокие неприступные горы – бессмысленный вызов альпинистам-самоубийцам – мстят тем, кто стремится нарушить их покой, покорить и помешать неспешным думам о вечности? И тогда безжалостные и неотвратимые снежные лавины ставят глупцов на место. На наше настоящее место – песчинки в бескрайних просторах вселенной.

Но это... с точки зрения камня.

А человек? А человек все равно будет любить то, что нравится его глазам – яркое, блестящее, броское. Бульжнику остается только ждать... своего часа. Он это умеет. Ему незачем торопиться...

ПОСЛЕСОНИЕ

Так и сон. Он не торопится. Кому надо, тот услышит, кто захочет, тот поймет. Из какого небытия он создает бытие и делает булыжник алмазом, чтобы человек из него сотворил бриллиант, я не знаю. Но дары его бесценны. И для меня все они – бриллианты, хотя лично мои любимые камни совсем другие – агат, гранат, флюорит. Но бриллиант, как мера весов. Где есть эталонные метр, килограмм, час, должен быть и эквивалент красоты. Чтобы никого не обижать, выбрали бриллиант.

Ему все равно, а нам – приятно.

СОН. СТАНОВЛЕНИЕ ГЕРОЯ

Сон начинается с того, что Офицер замечает на автобусной остановке необычную семью. Мать – хрупкая изящная женщина, с телом, как песочные часы из-за нереально тонкой талии. Волосы блестящие, черные, словно вороное крыло, и глаза цвета молодой зелени. Поражает ее неестественная походка. Кажется, что она не идет по тротуару, а будто бы парит над землей.

Ее сыновья – близнецы лет 14-15-ти в сине-зеленых велосипедных штанах и синих кроссовках. У обоих волосы цвета лимона, а тела апельсинового оттенка – то ли загар, то ли цвет кожи. Их обнаженные торсы совершенны, как у греческих статуй. Один брат – с глазами бирюзового оттенка, у другого – голубые

Офицер любит странное семейство. Он словно

проснулся от долгого сна. За его плечами – горячие точки, потери друзей, смрад войны. Мирная жизнь пугала. После нечеловеческого напряжения армейских будней он никак не может приспособиться к мирной жизни. Тоска гонит от одной женщины к другой в поиске идеала. Троица заинтересовала настолько, что по военной привычке проверять все непривычное, он начал следить за ними.

Выяснилось, что мальчишек в чем-то подозревают, но пока без доказательств. Офицер снимает их на видео и показывает запись экспертам. Что не так, никто не может понять? Аналитики в один голос утверждают, что для исследования представлено не реальное видео, а съемки фантастического фильма. У людей в этом фильме зафиксирована странная походка с иным центром тяжести. Кроме того, эксперты не смогли обнаружить мышечных усилий. Вывод специалистов обескураживает даже их самих.

На видео запечатлено движение анимационных персонажей. Мать и ее сыновья не ходят – имитируют ходьбу. Знакомые военные предлагают офицеру переквалифицироваться в кинематографиста, и отправить фильм на какой-нибудь кинофестиваль.

Офицер смущен, изумлен и почти напуган. Он не стал доказывать, что снимал реальных людей. Веры в бескорыстную иронию экспертов у него нет. Значит, пока информация не дошла до секретных служб, надо найти необычную семью. Ей, действительно, грозит опасность. И, мо-

жет быть, он уже опоздал. Теперь мужчина целенаправленно бродит по улицам, обходит дворы, сидит на остановках в поисках необычной троюцы. Незаметно для себя самого он перестал интересоваться вообще чем-то, что не связано с этими поисками. Все его мысли только о них.

А тем временем, одновременно с действительностью, он невольню научился переключаться в другую реальность. Его сны кардинально изменились. В них властно поселилась Женщина – мать странных близнецов. Это сумасшествие, но она кажется ему абсолютным совершенством – не явная, призрачная, недоступная. Ее глаза, словно две глубокие тайны, притягивают к себе.

Теперь Офицер ждет ночи, потому что сон обещает ему восхитительные часы. Он стал для него спасением от дневной тоски. Мужчина тщательно готовится к каждой ночи – принимает душ, бреется, гладит сорочку.

Днем он молит судьбу, что бы пришла ночь вместе с женщиной и ее фантастической походкой. Он погружается в сон, как в ласковое море, обещающее счастье и негу. Избранница услышала его. И пришла – гордая, прекрасная, ни на кого не похожая.

Их беседы бесконечные и особенные. Так с ним еще никто не говорил – о дальних странах, научных парадоксах, о чувствах, которые испытывают животные. Она рассказывала о звездах, солнечном ветре, страхе в черноте вакуума и музыке лунной тоски. Они плавали в океане с дельфинами,

помогали чете ласточек спасти первенца, вывалившегося из гнезда, поднимались в горы по извилистой тропинке за круторогим быстрым козлом.

Во время этих бесед с ним происходит невероятное. Совершенно неожиданно для себя он обнаружил знания в таких областях, о которых не только не думал – даже не знал. Изредка она позволяла ему прикоснуться к себе. И тогда он едва сдерживается, чтобы не обнять тонкое манящее тело. Оно странно прозрачно. Свет проходит сквозь него. А кожа кажется фарфоровой льдинкой на ощупь.

Едва закрыв глаза, погружается восхитительную грезу, в которой его ждет невероятная экзотическая природа и ОНА – совершенная женщина из мечты. Офицер даже не заметил, как постепенно через сновидения приблизился к любви – чувству давно уже забытому. После таких снов он целый день сам не свой. Пальцы помнят ощущения холодноватой кожи, как реальность. От воспоминаний сердце замирает в сладкой щемящей муке.

Утром его пробуждение мучительно, ибо день приносит страдания почти физические. Встречи, суета, быт – все теперь стало для него бессмысленным. Он словно бы пролистывает сон на убыстренной "перемотке".

Ему – вечному солдату, давно живущему без иллюзий и надежд, – прожитая жизнь стала казаться такой далекой и нереальной, словно бы ее и не было. Однажды, по пьянке, с коллегами, такими же выброшенными из жизни офицерами,

он проговорился – коряво и надрывно – о своих снах, женицине и ее сыновьях. Мужики, как ни странно, не удивились, и наутро прислали ему частного детектива.

Тот вскоре разузнал, какие у близнецов проблемы. Их, действительно, подозревают. Но не в том, что они совершили нечто плохое. Наоборот. Они стали свидетелями какого-то темного дела. И их разыскивают, чтобы снять нужные показания. Но детектив до конца не уверен в своих сведениях и подозревает самое худшее.

Их надо спасать, хотя Офицер теряется в догадках об истинной природе опасности. На помощь детектива рассчитывать больше не приходится. Он отказывается заниматься этим делом. У него семья, и вообще в сомнительные ситуации он предпочитает не вмешиваться. Если невтерпез, пусть сам найдет мать и серьезно поговорит с ней о детях.

Офицеру повезло, на следующий день он встретил Мать на остановке. Смущаясь, попросил встретиться с сыновьями. Наяву разговор оказался странным и невнятным. Он ничего не прояснил. Но Мать предложила продолжить и указала на новостройки на окраине района.

Он быстрым шагом решительно направился к серым 30-этажным сотам с пустыми проемами без стекол. Он даже не спросил, где же там близнецы? В одном из домов на последнем этаже горит свет, вероятно, мальчишки там. Офицер просит мать остаться внизу. Она улыбается в от-

вет, и он поднимается на единственном работающем лифте. Только все складывается совсем не так, как ожидал. Мать оказалась рядом с близнецами раньше, чем он приехал на лифте. Как же так?

Неужели Мать смогла подняться 30-й этаж быстрее его по лестнице? Он не поленился и спустился на один полет, преодолев площадку, залитую ярко-синей краской. Пришлось, облокотившись на стену, оттирать ботинки какой-то ветошью. И в этот момент его словно бы пронзила молния.

Женщина сидела в комнате на стуле, закинув ногу на ногу, но подошвы ее белых туфель были совершенно чисты! Этого не может быть!? Или он сходит ума? Лифт только один. Не по воздуху же она добралась до верхнего этажа?

У него засосало под ложечкой, и по спине заструился холодный пот. Так вот оно – то, что не давало покоя! Мгновенно все сошлось, как пазл: походка, движение, колыхание одежды, неподвижные руки при ходьбе...

Они не ходят – летают!

НЕВОЗМОЖНО!!!

Он рванул к балкону.

Мать и близнецы стоят в проеме. На полу у табуретки – небольшой серебристый чемодан. Никаких мыслей, только страшно заныло сердце...

– Не улетай! – Не крикнул – выдохнул он. – Я просто умру без тебя, – и без сил упал на колени.

– Он все понял! – Близнецы испуганно отступили к стене.

Только теперь Офицер заметил обтягивающие, словно вторая кожа, серебристые – в тон чемодану – спортивные костюмы. Женищина подошла и опустилась рядом.

– Не могу. Если понял ты – поймут и другие.

– Тогда возьми меня с собой. Не хочу я больше ползать по этой проклятой земле. Не хочу жить во всеобщей ненависти.

– Это твоя земля. – Ее черные зрачки расширились и вытеснили зеленую радужку. – Твоя родина.

– Эта земля давно уже не моя. Мою родину просрали и продали. – Он едва сдержался от крика.

– Но ты ее защищал, – прохладная рука коснулась его ладони.

Он вздрогнул от резкой молниеносной боли, которая полоснула по груди, – воздух закончился в легких. Чтобы вдохнуть, ему не хватает ни воли, ни сил. Она сразу поняла, что творится в его душе и одними губами повторила:

– Ты ее защищал.

– Я убивал людей. – Это страшное признание, от которого он бежал с тех пор, как вернулся оттуда, где жизнь ничего не стоила, а смерти иногда ждали, как манны небесной, вернула ему способность дышать. – Я убивал людей и думал, что защищаю родину. Только родине все равно. Ей давно безразличны и те, кто убивает, и те, кого убивают. Мои ноги устали ходить по этой земле, закатанной в запле-

ванный асфальт.

– Хочешь, – она крепко сжала его ледяные руки своими фарфоровыми ладошками, – я научу тебя летать?

– Летать? – Не понял он. – Меня? Летать?

– Тебя. – Она заставила его встать. – И ты...

Он внезапно ощутил себя мальчишкой, который впервые увидел в небе самолет и страстно, до сведения скул, захотел оказаться на месте пилота. Но видение было мгновенным, и он ясно осознал, что в жизни нет места детским грезам.

– Нет... Я мечтал летать всю жизнь. Летать, как желание. Не телом – мыслью, что подхватывает тело. Но на земле это невозможно.

– Почему же? – Она даже не улыбнулась, и ее глаза снова стали зелеными. – Эта способность заложена в человеческой природе. Просто вы забыли об этом умении.

– Ты хотя бы понимаешь, – он не на шутку испугался, – что начнется, если люди об этом вспомнят? Даже не все, а хотя бы некоторые.

– Другая жизнь. – Она пристально смотрела в его глаза. – Другая жизнь.

– Родная... – Он прижал ее к себе, даже не заметив, что она поддалась легко, без сопротивления. – Другая жизнь на ЭТОЙ земле всегда приходит через КРОВЬ, ВОЙНУ или РЕВОЛЮЦИЮ.

– А ты этому помешаешь.

Теперь она сама прижалась к нему всем телом. Но он от-

страшился и со страхом посмотрел в глаза. Она не отвела взгляда. Ее лицо было серьезно и печально – ни иронии, ни сарказма, ни жалости, и ни снисходительности. Она спокойно ждала его реакции.

– Я... я... я... Я – не герой, – выдохнул он со стыдом.

– Ты – герой. – Она снова обхватила его руки своими ладонями. Теперь они были такими горячими, что он даже вздрогнул. – Ты – герой!

Ни сомнений, ни даже возможности опровергнуть не было в той убежденности, с которой она произнесла это утверждение. Перед его глазами – как на старой кинолентке пролетела вся его жизнь. А он словно с лупой останавливал особенно интересные и запомнившиеся кадры-события.

– Покажи...

Он мучительно искал слова, чтобы сформулировать то ли вопрос, то ли просьбу. Но она не стала дожидаться окончания этого процесса, а легко поднялась над полом и облетела, словно примерзшую к цементу фигуру.

– Господи! Мне это снится?

Офицер даже не понимал ни того, что видит, ни того, что чувствует. Оцепенение – сладостное и безответственное овладело сознанием и телом. Было все равно, что сейчас произойдет? Мужчина был готов ко всему, и на все. С этой женщиной он согласен на любые и подвиги, и преступления.

– Извини...

Горячее дыхание обдало его ухо. Она резко нажала на

точку у основания черепа. Он даже зажмурил глаза, как от вспышки газовой сварки, и почувствовал, что тело насквозь пробила резкая кинжальная боль. Он сдержался и не закричал, хотя мука была такая же, которую однажды ему пришлось пережить в плену на своей последней войне.

– Попробуй! – Она провела своей рукой по его лицу. – Открой глаза и попробуй!

Он неловко оттолкнулся от пола и мгновенно взлетел, ошутимо ударившись макушкой о потолок. Она сидела на полу, поджав под себя ноги, и горько плакала:

– Теперь ты возненавидишь меня...

– Родная, – он резко опустился перед ней. – Что теперь будет с тобой и детьми? – Он вытирал ее слезы и жадно целовал губы.

– Тебе придется, – она нежно провела губами по его лицу и печально, но твердо сказала, – тебе придется изменить жизнь на своей земле.

– Но я не Христос! – Отчаянно закричал он в пустое окно комнаты, где только что была самая желанная женщина его жизни и ее сыновья.

Ночь смотрела на него своими бесстрастными звездами, то ли обещающая что-то, то ли заклиная, то ли отпевая...

ПОСЛЕСОНИЕ

Блин. Какое тут может быть послесоние? Зачем? Все предельно ясно. Замечательный хорошо сконструированный

сюжет. Его надо просто разрабатывать.

СОН. МАНЬЕРКА

Проснулась от необычности сюжетного напряжения. Сон был интересен не только своим событийным рядом, но и еще и абсолютно реальными ощущениями – вкусовыми, тактильными и обонятельными.

Пасмурный осенний день. Собираюсь в гости в подруге. Немного нервничаю. Согласно графику, автобус редко отправляется с пустыря, на котором я его жду. Раздражение готово вырваться наружу, потому что расписание изменено. И следующий рейс только через два часа. Гулять здесь негде, значит, придется возвратиться домой. Это всего пять кварталов. Хватит, чтобы развеять злость. Но она только усилилась, когда я заметила, что на мне полосатый больничный халат и домашние тапочки на босу ногу. В тот же миг, погода изменилась. Хмурое небо потемнело еще больше, и над землей закружился песок пополам с ржавой глиной. Моя экзотичная одежда не спасает от холода. Резкий ветер выветрил остатки тепла. Неподалеку печально раскачивается под ветром всеми забытое нелепое пугало – охраняет никому не нужный пустырь.

Я позаимствовала короткое серое пальтишко. Рваные полы не прикрывали длинный халат. Но теперь это было неважно, потому что стало теплее. Нащупала в карма-

не пальто несколько монет – большие серебряные пятирублевки. Надо выйти на дорогу. Там можно поймать такси. Ко мне присоединились еще две женщины. Они не удивились странному одеянию, только уточнили направление. Оказалось, что всем в одну сторону. Показалась темная "газель" маршрутки.

Водитель подождал, пока мы устроились, и резко тронулся. Машина повернула направо к дальнему рынку. Удивительно, но женщины не обратили на это внимание. Сначала я напряженно всматривалась в окно, чтобы не пропустить свой дом, но потом успокоилась. В теплом салоне было так удобно, что я решила прокатиться до конца и выйти на обратном пути. Промелькнула мысль о том, что на конечной остановке водитель всех высадит, и за возвращение придется отдать двойную плату. А денег у меня только в одну сторону.

– Остановите здесь, пожалуйста, – прошу водителя и выхожу из машины.

Место совершенно незнакомое, хотя должно было находиться недалеко от дома. Оглянулась, чтобы понять, куда теперь идти? Машина скрылась из вида, и только тогда я поняла, что не заплатила за проезд: "Ну и ладно. Наверное, водитель подумал, что мы все вместе". – Топчусь неловко на месте. – "В любом случае от моих 15 рублей никто бы не разбогател", – нервно обрываю себя, потому что ситуация складывается критическая. Какие там 15 рублей! Вообще

непонятно, где нахожусь? Все незнакомое. В первое мгновение чуть не закричала от ужаса, но потом взяла себя в руки. Когда-то мне советовали, чтобы не паниковать, внимательно поворачиваться вокруг своей оси. Это оказалось действительным.

В маршрутке хорошо представляла себе направление. Теперь же было совершенно неясно, в какой стороне находится дом? Стали различимы кое-какие подробности унылого пейзажа. За невысоким сохранившимся забором выглядывали кирпичные строения. За оградой виднеется странный поселок – покосившиеся сараи, полуразрушенные здания. В центре – огромная, просто гигантская церковь. Неужели рядом с моим домом находится такое чудо, и никто про него не знал?

Храм и впрямь грандиозный – ничуть не меньше Богоявленского. Величавые купола стремились достать до небес. Они были лишены позолоты и крестов, но не выглядели жалко. Царственно смотрелись даже облупившиеся колонны по углам. В пустых глазницах окон притаилась какая-то неведомая таинственная жизнь.

С другой стороны церкви оказался просторный двор с хозяйственными постройками и грязными тощими курами. Застываю в немом изумлении. Дома поразили своей несоразмерностью местности. Они были такие же величественные, как и храм, и такие же запущенные: лепнина, колонны, барельефы и скульптуры – то ли гипс, то ли настоящий

мрамор в этой забытой Богом глуши. Нелепый контраст роскоши и убогости места так бросается в глаза, что мне стоит больших трудов сдержаться от смеха при виде этого ренессанса в навозе.

Наверное, там могут помочь? Поднимаюсь на широкое крыльцо. Впереди люди. Быстро сбегая по ступенькам. Ко мне подошла улыбчивая девочка лет десяти.

– Это сталинские дома? – Не придумав ничего лучше, спрашиваю, волнуясь, и киваю в сторону ниши с фигурами то ли атлантов, то ли тевтонских рыцарей.

– Ага, сталинские, – серьезно ответила девочка.

Замечаю большую дырку на месте выпавшего молочного зуба.

– А как называется это место?

– Маньерка.

– Маньерка? – Я никогда не слышала о таком местечке.

– Да, Маньерка, – так же серьезно подтвердила девочка, ничуть не удивившись тому, что взрослая тетенька переспросила ее. – Пойдемте к нам. Вы из города?

Киваю. Девочка выжидательно смотрит на меня. Но я ничего больше не говорю. Тогда девочка развернулась, как бы приглашая следовать за собой. Мы медленно пошли от церкви к правому дому.

Около подъезда отстаю, хочется посмотреть на соседнее строение. Миную высокую арку и оказываюсь в квадратном каменном мешке. Стало неудобно не только от запа-

ха застарелой сырости и куч мусора, но от чьего-то недоброго присутствия. Осматриваюсь. Натыкаюсь на выпученные базедовы глаза обнаженного атланта из ниши. Он ничего не поддерживает (может, это и не атлант вовсе?), а пытается изящно прикрыть свое мужское достоинство. Видимо, не зря. Ладони в этом месте ему немилосердно отбили. Вместе, кстати, с достоинством.

– Эх ты, горемыка голый, – жалею застывшее тело, и подхожу к каменному полустертому свитку рядом со скульптурой. Но читать на нем нечего. Время и люди постарались не оставить никаких сведений потомкам. Осыпавшиеся буквы мог бы сложить в слова лишь тот, кто сам их и вырезал. Больше ничего примечательного нет. Пришлось возвратиться назад. Девочка уже убежала. Я осталась совершенно одна. Стало холодно и страшно.

– Идемте скорее, дождь начинается, – позвал сгорбленный седой старичок. Он вырос словно бы из-под земли, чем изрядно напугал меня.

Действительно, в просвете между высокими зданиями были ясно видны косые струи. Странным образом они не доходят до меня, хотя я стою всего в нескольких шагах. Пока размышляла, удобно или нет навязываться незнакомым людям, холодные капли проникли под воротник пальто. Спрятаться от дождя, который все-таки настиг, негде.

Небо совершенно скрылось за пеленой воды. Дождь полностью овладел пространством. Вздрагиваю от раскати-

того грома и ослепительных стрел молнии. С волнением наблюдаю, как увеличиваются темные потеки на стенах, но все никак не могу решиться открыть дверь. Кажется, что там – в незнакомом доме – еще опаснее, чем снаружи. Но немилосердный дождь все-таки загнал в подъезд.

Как? Почему? Чья чужая воля привела меня в это странное пугающее место? Стоя в чужом грязном парадном, плачу от обиды и бессилия. Ведь мне ничего не нужно. Просто хочу попасть домой. К себе домой. В свою уютную и теплую квартиру с мягкими паласами и облупившейся плиткой в ванной комнате, которую я ловко замаскировала разноцветными целлюлоидными вставками. Что такое я сделала, в чем провинилась, перед кем? Кто загнал меня, как трусливого зайца, в это странное место? Кому это понадобилось? Чего от меня хотят добиться?" А, если бы я заплатила за проезд?" – Мелькнула шальная мысль, но я ее тотчас отогнала. Уже поняла, что это ничего бы не изменило. И на конечной остановке все равно ждала бы Маньерка.

И вдруг что-то изменилось, словно бы воздух поменял состав.

Я перестала бояться. Протест мгновенно поменял все внутри. Холодная злость овладела сознанием. Широко распахнула дверь. Дождь кончился, как его и не бывало. Ни луж, ни капель. "Испугался, сволочь!" – Прошептала яростно и зашагала прочь, не оглядываясь на поселок. Остатки страха еще нашептывали что-то про непролазную грязь впереди,

но я уже владела собой и не собиралась уступать недавней панике. Теперь бы только узнать, какое направление ведет к Москве?

Где-то впереди гудела дорога, и я стала ориентировать на ее звук. Под ногами проседала красная глина, перемешанная с грязью и песком. В тапочках неудобно, все-таки они не приспособлены для осенних прогулок. Очень не хотелось упасть и растянуться на стылой земле.

Навстречу от песочницы на детском велосипеде катился краснощекий карапуз. Поравнявшись, он посмотрел доверчиво снизу-вверх и, немного шепелявя, предложил: "Садитесь, тетенька, я вас с ветерком подвезу!" – И добавил, гордо показывая на свободное сиденье сзади, – "я всегда брата катаю". Улыбнулась открыто и радостно. На этом месте могла бы поместиться разве только одна моя ступня.

У песочницы сидел еще один пацаненок. Он сосредоточенно лепил куличики из мокрого песка и был постарше первого. Мне он показался смышленным. Во всяком случае, при ближайшем рассмотрении у мальчика оказались серьезные глаза. Непослушный рыжий чубчик так и норовил закрыть ему обзор, и маленькая ручка то и дело неспешно поправляла мешающие волосы. Движения были степенными, как у взрослого, без всякой суеты и мельтешения.

– Мальчик, – нагибаюсь к нему, – как мне пройти к Москве или к дороге? Мне надо туда? – Показываю рукой налево, –

или туда? – поворачиваюсь направо.

– Там, – кивнул мальши в сторону гула, вынул из пластмассовой формочки очередной пирожок и немного помедлил, – круговая.

– Кольцевая дорога? – Я готова расцеловать умную мордашку.

– Да, кольцевая. – Мальчик с достоинством принял уточнение. – Вам надо дойти до Голыбинского переулка, – не улыбаясь, продолжил он. – Вы запишите, а то перепутаете. – Он перестал играть и, как учитель, приготовился диктовать дорогу.

– Да мне и записать не чем. Ты просто скажи, куда мне пойти, я и так запомню, – едва скрываю нетерпение.

– Не знаю, – обиделся мальши.

Он явно потерял ко мне всякий интерес, и вернулся к прерванному занятию. Весь его оскорбленный вид говорил что-то вроде "вот, не захотела записать, тетенька, что теперь будете делать?" Растерянно топчусь у песочницы. Ну, не унижаться же перед сопляком? Постепенно гул дороги как бы приблизился, а вместе с ним и сама она прояснилась, как проявленная фотография.

Нескончаемым потоком машины следовали в правом направлении. Наперерез движению, видимо по тротуару, бежали люди. Я заметила крышу остановки и взяла с места, как заправская скаковая лошадь. Ног не чувствую, только заметила, что теперь на мне старые стоптанные туфли

– удобные и разношенные. А матерчатые тапочки куда-то пропали вместе с больничным халатом и реквизированным у пугала пальтишком.

Дорога! Машины! Люди! Настоящие люди! Больше не страшно. Теперь я узнаю, в какую сторону надо ехать, чтобы попасть домой? Подошел большой странный автобус. Все полезли на длинную черную балку, чтобы достать до высоких ступенек. Я тоже залезла на балку и тут увидела, что это вовсе не автобус, а огромный голубой грузовик с просторной кабиной. И кабина уже заполнена до отказа.

Снизу на балку пытается подтянуться мальчик. Но он слишком мал для такого спортивного упражнения. Слезы бурным потоком льются по его лицу. Протягиваю руку, и он обрадовано вкладывает в нее свою грязную ладошку. Сильным рывком ребенок вытянут и поставлен рядом. Можно попытаться затолкаться в кабину или уцепиться за какой-то мудреный агрегат, который закреплен на грузовике прямо перед ними. Только сначала надо узнать в ту ли сторону едет грузовик? Открыла рот, чтобы спросить об этом водителя, но меня опередили.

– В следующий, лезь в следующий! – Закричал кто-то из кабины.

И действительно, сзади пристроился точно такой же грузовик. Водитель первого устал ждать и медленно тронул машину с места. Я покачнулась и судорожно сжала руку ребенка – теперь отвечаю не только за себя. Мальши поднял

доверчивые глазенки: "Вы меня не бросите, тетя?" Прижалась худое тельце к себе, потому что приходится балансировать на движущейся вместе с грузовиком узкой балке.

Напрягаю зрение, пытаюсь рассмотреть за лобовым стеклом второй машины человека. Сейчас это самое главное! А вовсе не вопрос: "В какую сторону мне надо ехать, чтобы попасть домой?"

ПОСЛЕСОНИЕ

Не буду внимательно изучать все детали. В этом сне важны ощущения и настрой. Надо еще учесть то, что незадолго до этого сна несколько дней подряд я пыталась заказать сновидение, которое бы подсказало мне правильное поведение и способы излечения от болезни.

Самое главное – чувства потерянности, беспомощности и опасности, которые я испытывала на протяжении всего сна, в результате разрешились мощным жизнеутверждающим финалом.

Я сама нашла свою дорогу – вернуться к себе! Я хотела попасть домой, а вышла к себе. К себе настоящей. Поиск пути. Обыкновенный поиск пути. От себя к себе.

Из собственного дома по собственной дороге к собственной душе.

Да, пришлось преодолевать разные препятствия и собственные страхи. Но так всегда и бывает в жизни, если делать все правильно. Завершение – выход на широкую дорогу.

У этой дороги: во-первых, одно движение, и оно правое, во-вторых, движение это для меня возможно лишь обособленно – не со всеми в толчее и тесноте, а в-третьих, вместе с ребенком. Здесь надо бы уточнить.

Ребенок – это мое(и) рождающиеся или задуманные произведения, или – буквально – ребенок. Как ни странно, но такая вероятность теперь мной вполне допускается, потому что, рассуждая о резервах человеческого и собственного организма, я очень захотела не просто выздороветь, помолодеть, но и... родить ребенка, может быть, сына!

Сон не просто директивный и замечательный. Он – пророческий. Я довольна грандиозностью его последовательно-го, образного и указующего ответа. Теперь бы постараться соответствовать ему в жизни!

Кстати, интересно, а что такое Маньерка?

Похожее слово есть у Брокгауза и Эфрона. Но там – "Манерка – походный металлический сосуд для воды у солдат, прикрепляется к ранцу". Манерка, конечно, не моя МАНЬЕРКА. А что? Даже нравится. Поставлю для себя в один ряд с АБРАКАДАБРОЙ и ОКСЮМОРОНОМ.

СОН. ГАРПИЯ

Мой родной город. Иду по знакомой улице. У странного дощатого заборчика присаживаюсь, а потом укладываюсь, свернувшись калачиком. Мимо идет мужчина. Показывает блок из 2-х банок майонеза. Оказывается, изобрели новый

майонез. Теперь он не сворачивается в горячей еде. Я хотела оторвать от блока одну банку для себя, но он забрал все и ушел.

Поднялась и направилась к автобусной остановке. За высокими кустами во дворах шла своя жизнь. Люди отдыхали вечером после работы: щелкали семечки на лавках, с неспешными разговорами играли в шахматы и шашки, ругались с соседями, копались в палисадниках. Обычная жизнь обычных обывателей маленького провинциального южного города.

В руках у меня все-таки оказалась банка с майонезом. У самого края дороги, в кустах акации около поваленного бревна двое развели костер. Я присела на противоположный конец бревна и засмотрелась на огонь. Отчего-то сразу стали зябнуть руки, и я протянула их поближе к пламени. Мне, молча, подали миску аппетитно пахнущего супа. Я поставила на середину бревна банку с майонезом. И мы все так же – без единого слова – приступили к трапезе. Горячая еда оказалась кстати. Желудок тут же дал понять, что давно ждал чего-то подобного. Я даже зажмурилась от острого чувства удовольствия.

– Я вот тоже никогда не мог почувствовать удовольствия от еды, пока не ушел из дома. – Мужчина произнес это тихо, не глядя на меня.

Я просто улыбнулась в ответ. Он кивнул головой и зачерпнул своей ложкой густого белого майонеза. Девочка

молчала, но глаза ее странно блестели – то ли от огня, то ли от непонятого мне невысказанного вопроса.

Мужчина принялся рассказывать об их путешествиях-скитаниях: в Питере люди добрее и щедрее, чем в Москве, есть братство бродяг-бомжей, которые вообще-то падки на молодые груди девчонок-подростков, но его дочку не тронули. У меня мелькнула догадка, что он, наверное, очень хочет так думать. Девчонка молчала, не подтверждая и не опровергая эту догадку. За то небольшое время, что я сидела у костра, мужчина рассказал мне об обычаях и своеобразном кодексе чести бродяжьего люда.

Почему-то захотелось написать о его дочери. Это будет история о маленькой бродяжке. И возникнет сама собой, стоит только мне поднести ручку к бумаге. Но я слишком мало узнала, к тому же, так и не услышала ее голоса. Но странная уверенность в том, что это совсем неважно, овладела сознанием. Это казалось пустяком по сравнению с ее горящим глубоким взглядом зеленых глаз – слишком скорых для невинной девушки, расчетливых движений рук, медлительных поз уверенного в себе тела.

Гарпия!

Моя история будет называться "Гарпия". Я успела лишь подумать, что надо будет, проснувшись, уточнить в словаре, кто же такая Гарпия? Так родились первые строчки:

"Жало проснулось неожиданно. Внезапно она почувствовала странное непреодолимое желание. Необъяснимая сила

развивалась внутри. И уже эта сила, а не она сама руководила мыслями и поступками.

Это было пугающе страшное, незнакомое ощущение. И она попробовала удрать. От него и от себя. Однажды, выйдя из дома, словно сбегала от себя и непонятным образом очутилась на вокзале. Замелькали вагоны, поезда, города.

Ощущение жала переделывало ее изнутри. Нарождающаяся женщина пугающе болела растущей грудью, неприятной растительностью подмышками и ураганным интересом к мужчинам".

Причем тут майонез? Я не успела ответить себе на этот вопрос. Стемнело. Из ярко освещенного магазина слышалась громкая музыка. На остановке люди спокойно ждали троллейбус. Я побрела мимо магазина. За ним должен был стоять 5-этажный кирпичный дом – старое заводское общежитие. Но дома на привычном месте не оказалось, вернее, там была стройка.

ПОСЛЕСОНИЕ

Гарпии – девушки из греческой мифологии. Обычно это три сестры. С их родителями все туманно: они или дочери морского божества Тавманта и океаниды Электры, или Озомены, или Тифона, или Борея. В конце концов, у них могла быть одна мамашка и три папашки. Одно несомненно – сторожили Тартар. Миф не поспешил на краски для девушек. Их подозревали в злобных похищениях детей – интересно,

для чего? – и человеческих душ – с этим понятнее. Наводили ужас: налетали внезапно и исчезали быстрее ветра. Короче, дрянные бабенки. Тело имели человеческое, но с крыльями, а голову птичью. В мифе об аргонавтах их считали еще и гетерами.

По одной версии, место прописки – Строфадские острова в Эгейском море. Но Вергилий поместил их в Аид. Стало быть, считал вечными. С ним не все соглашались. Некоторые считали, что они погибли. Правда, Гесиод, Антимах и Аполлоний верили, что проныры не погибли, а скрылись в гроте на горе Дикте на Крите. Акусилай вообще считал, что они сторожат яблоки, а Эпименид приравнивал к Гесперидам.

Сегодняшние исследователи настаивают на том, что корень проблемы – в названии. Греческое "хватаю" или "похищаю" – тождественно гарпии. Для нее отнять еду или унести человека – одно и то же. Хотя, когда-то, говорят, они были настоящими красивыми и добрыми женщинами.

Что уж там случилось? Почему дамочки преобразились? Есть у меня, конечно, предположение, что, встретив "принца", они так его "не поделили", что остаться людьми уже не было ни малейшего шанса. Впрочем, не настаиваю – давно не перечитывала.

Однако, все равно, все видели их по-разному. Сходились в одном. Красотки, сохранив все женское обаяние, ревностно охраняли спокойствие подземного царства, обожали грозы, ураганы и вообще были равнодушны к катаклизмам. Все,

к чему прикасались их "нежные" ручки, начинало нестерпимо вонять. Урезонить девушек могли только медные духовые инструменты. Заслышав звук какой-нибудь трубы, Гарпии испарялись, как ведьмы на рассвете.

Моя девочка все это, если и имеет, то в самом зародыше. Но уверена, потенциал в ней не детский. Под чутким руководством его можно так развить, что добраться до Строфадских островов будет, как "два пальца...". Нам ли бояться трудностей?

СОН

Перед этим сном требуется пояснение. 10 лет в одной московской антрепризе шел спектакль "Кто последний за любовь?" по моей пьесе "Где тот большак на перекрестке". И вот проект закрывается. Сон приснился после последнего представления. Многое потрясло на том спектакле. Я смотрела на происходящее, как на что-то совершенно чужое, ко мне почти не имеющее отношения. Но публика воспринимала действие дивно – смеялась, хлюпала носом, стыдливо утирая слезу, и ... – самое невероятное – устроила овацию под финал.

По окончанию представления меня пригласили на сцену, где публично признались, что десять лет исполнители играли не совсем то, а иногда и вообще не то, что было написано автором – мной. Сказать, что это было неожиданно – ни-

чего не сказать! От потрясения мне даже не было страшно под софитами. Зал поднялся и аплодировал стоя – долго и настойчиво. Приветствовали не меня – артистов. Но без моей – даже почти до неузнаваемости искореженной – истории все равно ничего бы не было. Но сейчас это было не важно. Зрители словно ожидали, что артисты или еще раз повторят представление, или продюсер объявит, что закрытие проекта – обычный рекламный ход.

Потом подходили ко мне в фойе и взволновано спрашивали, почему спектакль больше не будет играть? Несколько женщин, утирая глаза, рассказали, что они – фанатки спектакля, и старались не пропускать ни одного представления в Москве. Это сколько же их было за 10 лет? И что отзывалось в этих дамах на неординарный сюжет? А потом мужчина солидного и вполне интеллигентного вида пожал мне руку и признался, что года три назад после просмотра моей искалеченный пьесы выгнал взашей молодую любовницу и вернулся к жене.

Это, как говорится, присказка – предлагаемое обстоятельство.

Я стою около камина в огромной бело-розовой гостиной с мини-бассейном. Он тускло поблескивает напротив замысловатого камина. Нахожусь я в этой "неземной" красоте по приглашению Героини – бедной подружки хозяйки всего это великолепия. Все вокруг вызывает у меня удивление. С одной стороны, я понимаю, что нахожусь в огромном загородном

доме, с другой – не оставляет ощущение, что все обманка, и на самом деле – это современная большая квартира, изощренно стилизованная под виллу.

Кроме нас, присутствуют Хозяин, его маленький сын и какой-то Гость, который спит в другой комнате. Спустя несколько минут обычного разговора о погоде и биржевых сводках, Гость вышел к нам. Я поражена его сходством с главным исполнителем в моей пьесе. Первая мысль: "Только бы он не узнал меня и не начал приставать с вопросом: "Не с себя ли я пишу свои пьесы?" Следом за ним появляется и сама Хозяйка. Я нервно оглядываюсь в поисках Подруги, пригласившей меня. Но присутствующие относятся ко мне вполне дружелюбно, и я успокаиваюсь.

Погруженная в свои переживания, не сразу замечаю изменения. Поведение Хозяина кардинально иное. Нет, он, по-прежнему, предельно вежлив и предупредителен, но в его тоне появились неприятные нотки высокомерия и властности. Он, конечно, пытается скрыть это за иронией, но что-то неуважительное и опасное все же прорывается во взгляде, жестах, недовольной и чрезмерно горделивой позе начальника с замашками тирана.

И весь этот гремучий "пакет" он демонстративно обрушивает на подругу. А она изо всех старается выглядеть на равных с этими "хозяевами жизни", не понимая, что против нее работают мелочи. Парадные юбка и блузка, более пристойные в ресторане или премьере оперы, яркие серьги с

фальшивыми бриллиантами и крупные кольца, взятые напрокат и демонстрируемые при каждом удобном случае положением рук. Кроме того, она говорит чуть громче и эмоциональнее, чем того требует тема разговора. И, что еще смешнее, старательно выговаривает сложные экономические термины, делая вид, что они для нее – обычный лексикон.

Хозяин некоторое время снисходительно позволяет ей существовать в убеждении, что ее принимают за свою. Видимо, ему забавно наблюдать, как глупенькая простушка старается произвести впечатление. Но терпению пришел конец.

Он произносит уничижительную фразу, понятную, всем присутствующим, кроме Героини, и шутливо бросает ей: "Умри!" Одновременно он как бы прицеливается в сердце рукой, изображая пистолет, спускает воображаемый курок и резко вскрикивает: "Пах!"

Героиня удивленно смотрит на Хозяина, но в следующее мгновение резко дергается, как от настоящей пули, и падает навзничь, словно подкошенная. Мужчины громко смеются удачной шутке и артистичной реакции поднадоевшей гостью.

– Вставай, – уже не утруждая себя политесом, советует Хозяин, – пол мраморный, холодный – застудишься.

Но Героиня лежит без движения. Мужчинам уже неприятно. Шутка, конечно, хороша, но не стоит переигрывать.

Они наклоняются над неподвижной фигурой женщины и в ужасе замирают. На белой блузке в области груди проступает и увеличивается кровавое пятно. Молча, Хозяин и его Гость приподнимают безвольное тело Героини. На ее спине – тоже пятно. Рана сквозная. На мраморный розовый пол капают, разбиваясь, капли крови.

– Этого не может быть, – побелевшими губами шепчет Хозяин. – Ты же видел, – он заглядывает в глаза Гостю. Но тот отводит взгляд.

И тогда Хозяин трясущимися руками распахивает блузку. Чуть выше бледного девичьего соска – круглая маленькая ранка.

– Что ты сделала, сумасшедшая!?! – Хозяин отчаянно трясет Героиню.

– Она, кажется, не дышит, – шепчет ему в ухо Гость, и прямо на пятно на полу бросает что-то вроде шелковой накидки с кресла.

Они бережно опускают на нее неподвижное тело и пытаются сделать искусственный массаж сердца. Сменяя друг друга, неловко давят на грудную клетку. Сначала осторожно, а потом и наотмашь бьют по щекам и ругаются. С их лиц градом струится пот.

Героиня судорожно всхлипывает и начинает дышать – рвано, будто захлебываясь воздухом. Глаза ее, по-прежнему, закрыты. В ранке на груди ритмично пузырится кровь. Мужики вытирают окровавленные руки о свои дорогие

смокинги, бросаются к столику с напитками и стаканами пьют водку. Похоже, они даже не понимают, что хлещут алкоголь, как воду. А Героиня тем временем пытается доползти до дивана с высокими резными ножками.

– Смотри, – Друг тычет в плечо Хозяина пустым стаканом, – куда это она?

– Кошка, – шепчет потрясенный Хозяин. – Кошки так прячутся перед смертью. Подальше от людей.

Они бросаются в жене и поднимают ее на руки, вглядываясь в смертельно белое и неподвижное, как маска, лицо. Она еще дышит – судорожно и шумно.

Кто позвонил в "скорую" и полицию, не понятно. Может быть, кто-то из них, может, я или Хозяйка? Прибывший наряд исследовал всю комнату. Но ни пули, ни хоть какого-то следа от выстрела так и не обнаружили.

В машине реанимации врачи колдуют над телом Героини. Особое удивление вызвала ее рана – слишком маленькая для пули, и слишком разрушительная для дроби. Тем более, что дробь даже по определению не могла выйти навывлет.

Рентген показал, что верхняя доля сердца – в самом жизненно-важном участке пробита. По всем медицинским показателям такая рана – неизбежная смерть. Но, опровергая все законы, сердце продолжает биться.

Героиня лежит в палате, вся опутанная проводами и капельницами. Мерно потрескивают приборы, выдавая разные цветные показатели и непонятные параметры на много-

численных дисплеях.

Хозяин и Гость с ужасом наблюдают за распростертой на кровати женщиной. Изменения, которые происходят с ней, поистине пугающие. Ее пышные каштановые волосы на глазах седеют по всей длине. Кожа на руках вздувается над синими венами, покрывается морщинами и коричневыми старческими пятнами. Лоб прорезают глубокие поперечные морщины, словно оборванный санный след. Носогубные складки ввалились, а вокруг глаз, как на картине торопливого художника, проявилась густая сетка.

Одно поразительно – с ее вызывающим ярко-красным маникюром ничего не случилось. Ногти выглядят так, словно их только что обработали в элитном салоне.

Хозяин совсем не похож на себя. Ничего не осталось от уверенного мужчины с преувеличенным чувством собственного достоинства и правом определять чужие судьбы по своему хотению. Он явно потрясен. И не только случившимся. Что-то похожее на раскаяние или прозрение заставляет его, практически, исповедоваться Гостю.

Он догадывался, что Героиня влюблена в него. Замечал иногда мимолетные взгляды. Одно время это забавляло. И, что уж обманываться, он ждал продолжения, заранее предвкушая, как изощренно "огорчит" ее. Но Героиня никак себя не проявляла. И он даже оскорбился, хотя повода не было. Потому, наверное, инстинктивно, в ответ, на свои собственные фантазии, всегда старался унижить ее. А она –

простодушная – этого или не понимала, или, надо признать, просто...

Неужели жалела его? Иногда – после особенно "удачным шуток" – она смотрела на него таким извиняющимся глазами, что он внутренне потешался: "Надо же, серая мышка, а туда же – в любовь"!

Так это она его извиняла? За черствость, жестокость! Она! Его! Теперь он точно знает – она его любила. Он сам давно забыл, что такое любовь. Да и знал ли вообще? Его жизнь проходит в погоне за золотым тельцом и смрадным запахом успеха.

А ей было дано – любить! Но, чтобы так, я сказал: "Умри!" И она не только готова была умереть: без позы, картинного изображения мук и упреков, а просто приняла воображаемую пулю, как настоящую, и умерла.

– Господи! – Друг сжал кулаки. – Если бы меня так полюбил... ну, хоть кто-нибудь... хоть собака какая-нибудь подзаборная... Я бы... я... бы... – Он зарыдал мучительно и беспомощно.

Хозяин откинул простынь с Героини. Перед ним на кровати лежало хрупкое девичье тело. Старость, овладевшая уже лицом, его еще не коснулась. Маленькая грудь быстро покрылась пупырышками от холода. От локтя к ладони на тонкой руке рывками пробивалась, словно меняющая русло река, синяя вена. Он наклонился над ней:

– Девочка, милая, нет... не надо. Прости меня, дурака.

Прости. Не умирай. Только не умирай! Я – дрянь! Дерьмо! Не знаю, что ты видела во мне? Но я не стою того, чтобы из-за меня умирали. Очнись! Живи! Пожалуйста! Еще встретишь того, кто будет достоин тебя. Достоин твоей любви! Ты подарешь ее настоящему человеку – доброму, благородному. – Он не замечал, как слезы льются из его глаз. – Господи! Боженька! Если ты, действительно есть, спаси ее... Какая женщина была рядом, а я... – Он бережно целовал пульсирующую жилку на ее руке. – Жизнь прошла... Ничего не понял... Не заметил...

Друг легко толкнул его в бок. К их изумлению с Героиней начали происходить новые изменения. Локоны возвращали свой обычный цвет, кожа на ладонях разгладилась, исчезли морщины на лице, на щеках появился румянец. Она глубоко задышала сама – легко и свободно, как во сне.

Мужчины осторожно отлепили пластырь на груди и... не обнаружили ни раны, ни даже следа от нее. Несколько мгновений они, потрясенные, неподвижно стояли над обнаженным телом, а потом начали снимать присоски с электродами, отсоединять капельницы и провода.

– Пусть поспит, – пошептали они в унисон и, не сговариваясь, пожелали, чтобы ей приснился принц. Настоящий. Легкая простынка прикрыла обнаженную тело.

По коридору мужчины шли молча, думая каждый о своем. Если бы они могли посмотреть на себя в это время в зеркало, то увидели бы, что стали совершенно седыми. А вдоль

их лбов – как санный след – прорезались морщины.

ПОСЛЕСОНИЕ

Да уж, как сказали бы "мы с Петром Ивановичем" по меткому выражению классика. Помню в детстве, я часто представляла себя или тяжело больной, или умирающей. Чего в этом было больше – желания не ходить в школу, бесстрашия молодого неопытного сознания или... Даже не хочу углубляться в такую даль. Только на этот – из детства идущий "полет" фантазии – наслаивается вся прожитая жизнь. Очень похоже на желание посмотреть, как плачут обидчики, когда жертва умрет.

Мне нужно было отмщение, сатисфакция... Не захочешь – вспомнишь трагические переживания Чехова на премьере «Чайки»? Вот сон и показал, чем на самом деле был для меня этот спектакль? Медленным, бесчеловечным и сознательным убийством. Простыми словами и действиями оно совершалось обыкновенными безразличными людьми. Жаль только, что наказать их за сотворенное, можно только личной болью. Не сединой и морщинами они должны были быть наказаны, а мраморными хижинами с бассейнами и каминами – огромными, пустыми, холодными и безлюдными.

Впрочем, должна отметить очень важное обстоятельство. Странно, что даже во сне, то есть, в воображении, где можно дать волю любой, самой изощренной фантазии, – у меня не поднялась рука, чтобы убить этих хозяйчиков жизни. И, ви-

димо, сюжет вообще к спектаклю и к моим переживаниям о нем, имел лишь касательное отношение. Это, как в "Хористке" Чехова. Та начала плакать в поезде по конкретному поводу, постепенно вспоминая и все остальные несправедливости, чтобы отрыдать их в один заход.

Спектакль стал просто поводом, спусковым щелчком, последней каплей в чаше горьких и несправедливых обид. Обид, когда в ответ на любовь – я получала пулю.

Пронзительная догадка посетила меня в процессе записывания сна. И она требует изучения или, как минимум, проверки.

Может, я – аутист? Или его подвид? Неявный, адаптированный? Если это правда, то тогда почти все сходится. Моя месть – смешная и беспомощная борьба с какой-то постоянной и беспросветной ненужностью. Ее истоки – в раннем детстве, когда я наивно и чуть ли не маниакально хотела быть, как все, чтобы... А, чтобы, что?

Сколько слез, бессонных ночей, прочитанных книг... Только ответа-то все нет, как и не было. Какие-то натужные, зряшные и бессмысленные усилия. Как бы мне тональность, что ли поменять. Или настройки. И принять себя, как должное, спокойно и трезво. Если ты – зеленый, сколько не перекрашивайся, все равно – зеленым и останешься. И всем это понятно. И природным блондинкам, и, что называется, всем остальным блондинкам.

Можно, конечно, добавить, а "какая могла быть счастли-

вая жизнь", – не помню, кто конкретно так красиво тосковал. Но, сдается мне, что и тут не обошлось без Антона Павловича. Впрочем, не важно. Кажется, пока только кажется, но с каждым днем – я уверена – мне моя зелень будет нравиться все больше и больше. Ведь мужики – хоть и порядочными негодьями оказались, да только себя-то посчитали все же недостойными.

Принца я, конечно, не жду. Во-первых, годы уже не нежные. И потом – их все равно на всех не хватает. К тому же, не всякий принц – принц. Для них-то нет никакой проверки, как горошины для настоящих принцесс. А вот короля, наверное, встретить не отказалась бы. Хотя, что мне делать – в моей-то жизни – с королем? Ему – то камзол подай, то карету к парадному входу вызови, то корону почисти, чтобы не позолотой отсвечивала, а блеск настоящий являла подданным.

Да и сама я дано уже по-королевски только с компьютером общаюсь. Как не то что-нибудь нажму... Прямо анекдот из моей далекой юности про еврея, которого спросили: "Нужна ли ему Волга?" После недолгого раздумья, он ответил: "На что мне все эти берега, пристани и баржи". Как говорится, "кому щи жидки, кому – жемчуга мелки". Кто про машину "волга". А кто глобальнее – реками да морями, как нынешние "хозяйчики" жизни, – мыслят. Забывая, что "и это пройдет", как всегда бывает с "калифами на час".

Меня пригласили в гости. Как обычно, все веселятся, а за маленьким ребенком присмотреть некому. В таких случаях гости для меня значения не имеют. Иду к малышу. Со всех сторон слышу шепот: "Это ребенок Путина". Мне хочется ругаться нехорошими словами. Это что, повод им не заниматься? Малыш – не важно, чей он? – обыкновенное дитя. И него самые обыкновенные запросы – покушать, напиться, быть искупанным и переодетым.

Распеленовываю плачущий сверток. Так и есть – пора менять подгузник. Купаю его в маленькой ванночке и одеваю. Кроха успокаивается и засыпает в моих руках. Я даже не замечаю слез умиления Путина, который сидит в одиночестве поодаль в темном углу под зеленым абажуром.

Случайно замечаю его взгляд полный боли и страдания. Сердце сжимается от понимания того, что он даже не может подойти к этому ребенку, не то, что назвать своим сыном – закон запрещает.

ПОСЛЕСОНИЕ

Не успела я погоревать по этому поводу, как тут же тут же пришел новый сон, – как вариация предыдущего. Но уже в виде полноценного сюжета. В качестве совета могу себе сказать, что надо прекращать обращать внимание на "желтую прессу", муссирующую "новости" о детях Путина. Не в меру восприимчивой оказалась.

СОН-6. СЛАБАЯ

Прелестный теплый осенний день. На разморенной деревенской улице прохаживается народ. Внезапно раздается дикий детский крик, на который все оглядываются. Никто еще ничего не понял, кроме одной Женщины. Она бросается наперерез – спасти ребенка от бешеного пса. Внезапно вместо пса оказывается инопланетянин. У всех ступор. Женщина с невероятной неженской – не человеческой силой – изгоняет чудовище. Она прижимает к себе плачущего испуганного ребенка и уносит домой. Войдя в комнату, не раздеваясь, она опускается на кровать и мгновенно засыпает, крепко прижимая малыша.

Отец ребенка, потрясенный случившимся, сидит на кухне вместе со взрослой дочерью Женщины. Они не в состоянии даже разговаривать, и засыпают, обнявшись прямо за столом. Запищала сигнализация, и Отец проснулся. Осторожно, чтобы не разбудить, отводит Дочь в спальню. Прикрыв дверь, он тихонько подходит к спящей Женщине. В окно светит фонарь. Женщина выглядит совершенно счастливой.

Отец присаживается на краешек кровати, осторожно гладит ее и ребенка. Слезы текут по его щекам. Он смотрит на хрупкую тоненькую Женщину и пытается понять, как ей хватило сил противостоять злу, которое ввело в катаlepsию всю улицу, включая и его самого?

Почему эта незнакомая совершенно посторонняя Женщина, действительно, рискуя собой, смогла противостоять

кошмару? Что ею руководило? Зачем она так поступила? Он пытается честно ответить себе на вопрос, что бы сделал он, если бы это был чужой ребенок? Ведь своего...

Он же – предатель! Эта простая, откровенная в своей беспощадной наготе мысль пронзила насквозь. Он почувствовал, как его сердце остановилось и дыхание прекратилось. Внезапно он понял, что хочет жить! Страх, что может погибнуть, спасая своего малыша, его и остановил. Все остальное – просто оправдание.

Именно в этот момент Женица отодвинулась на кровати, уступая движению ребенка. Кроха немного поерзал и успокоился. Женица снова прижала маленькое тельце к себе. Отец заметил, что ей предельно неудобно лежать. Но улыбка, по-прежнему, светится на ее лице.

Сердце Отца снова запустилось, и он с трудом сдержался, чтобы не вдохнуть глубоко и шумно. "Так вот как выглядит материнство!" – словно бесчисленными молотками внутри головы запульсировала боль. Какой же это мощный инстинкт, который велит женщине, не рассуждая и не боясь, защищать детеныша. "Но он не ее детеныш?" – Сердце замерло снова. И тут он заметил то, что снова запустило его мотор. Женица во сне закрывала руками оголившуюся спинку ребенка, чтобы тому не было холодно.

А малыш доверчиво уткнулся носом в ее шею. Отец наклонился и услышал, что спящие дышат в одном ритме, как единое целое. Он даже не понял, что прокусил губу, пока не

почувствовал, что по подбородку потекло что-то густое и теплое. Он уже знал, что убьет любого, за этих двоих. Будет защищать их до последнего вдоха...

Потом, спустя много лет, чей-то липкий злой язык рассказал сыну, что Женищина – не его родная мать, а мачеха. Потрясенный юноша потребовал объяснений. И она спокойно в присутствии испуганного мужа, рассказала правду, как все случилось после смерти его настоящей матери. Отец не смог ничего произнести, как много лет назад, он снова спасовал.

Парень страшно возмущен. Почему чужие люди ему открыли глаза на правду? Смириться с этим – выше его сил. Он не выбирает выражения, бросая в лицо Женищины обидные слова. Отец почувствовал, что, как и той ночью, у него остановилось сердце и пропало дыхание.

Женищина с совершенно белым, но спокойным лицом улыбнулась и сказала: "Это не твои слова, сыночка". Юноша в ответ расхохотался. Она вздрогнула всем телом и, недоуменно глядя ему в глаза, как-то осторожно, словно боясь кого-то невольно задеть, неловко пошла к своей комнате.

Отец, как расколдованный соляной столб, стал что-то говорить сыну, пеняя на несправедливые и гнусные слова, а потом внезапно сорвался с места и побежал, ударяясь об углы, следом за женой. Сын презрительно посмотрел ему вслед и направился на выход. У двери он услышал срывающийся на хрип голос Отца, вызывающего "скорую помощь".

Сын заглянул в комнату. Женщина лежала на полу с закрытыми глазами, широко раскинув руки. А Отец пытался делать ей искусственное дыхание.

В больнице она лежала тоненькая, хрупкая, опутанная разноцветными трубками и разными шнурками. Впервые она – всегда такая сильная – была совершенно беспомощна. Маленькое и сухонькое тело ее едва угадывалось под одеялом. Лицо было таким же неестественно белым, как и тогда, когда она слышала подлые наветы от сына, которого никогда не считала чужим. Огромные черные круги под глазами довершали страшную картину. Казалось, она впала в какой-то нездешний страшный сон.

– Мы сделали все, теперь зовите ее, – сказал на выходе из палаты врач.

Отец осторожно погладил тонкую руку, боясь задеть многочисленные трубки-катетеры. Впервые он подумал о том, что сына не случайно хотело забрать чудовище еще в детстве.

ПОСЛЕСОНИЕ

Какое может быть послесоние? Да, никакого. Просто – сюжет. Страшненький.

СОН. ЗОЛУШКА НАОБОРОТ

Я – придворный писарь, и в этом качестве должна принять участие в грандиозном празднике. В нашем королевстве решили сыграть в либеральную игру: позволить проско-

чить любому подданному наверх по карьерной лестнице – на лифте. И верх у нас не простой – место рядом с Принцем.

Принц устраивает смотрины потенциальным Золушкам. Предлагается участие в конкурсе: "Пойти туда, не зная, куда, и принести то, не зная, что". В зале полно народа – дамы с кавалерами, кабинет министров, музыканты, претендентки. Танцмейстер от нетерпения шаркает ножкой по блестящему паркету. На удивление все девушки достойны: умны, красивы, образованы.

Но мне не доставляет труда вычислить среди них ту, которая уже давно любит Принца. Об этой настоящей Золушке знает почти весь двор. Но наследник слишком упрям, и не хочет никаких сказочных повторений. Он хорошо знает девушку и увлечен ею. Только на повестке дня история про "проверку чувств". К тому же, Золушка – простолюдинка. А он не хочет ссориться с папой, даже отстаивая свою любовь. Когда есть конкурс – все вроде бы честно. Его любимой станет или равная, или победившая. Он даже убедил Золушку, что, когда она выиграет и они пожениятся, то ни у кого не будет поводов для возмущения.

Золушка сначала принимает это, как единственное условие, которое надо выполнить, чтобы быть вместе с любимым. Она так любит Принца, что уверена – легко пройдет все испытания. Тем более, что у нее есть верный друг – Серый волк. Он обещает ей помочь. Но Золушка сначала отказывается. У всех девушек должны быть равные условия,

иначе это несправедливо. Но ее соперницы разные. Есть девушки, как она, бедные. Но большинство вступает в конкурс, имея свиту.

Богатые постоянно подтрунивают над Золушкой – у нее нет слуг, которые следуют за своей госпожой. Но Золушка привыкла к насмешкам и не реагирует на них. Бедные девушки, несмотря на привычку к тяжелой и безрадостной жизни, выбывают первыми. Условия борьбы оказались такими сложными, что в одиночку с ними трудно справиться.

Волк старается не показываться. Его никто не видит, потому он тайно следует за кортежем и помогает Золушке советами. А выходит "из тени" только глубокой ночью, когда героиня делится с ним едой и водой – все пополам. Он ведь бежит следом и не имеет возможности охотиться.

В первом испытании претендентки преодолевают горящее поле и лес. Понятно, что слуги сбивают огонь перед своими господами. А Золушка по совету Волка просто намочила плащ и преодолела горящее поле. В лесу же спряталась в медвежьей берлоге и дождалась, пока огонь прогорит над ней.

Далее всех ждет горная река с высоким водопадом. Перед этим испытанием Волк посоветовал окунуться в ледяную чашу горного водопада, чтобы привыкнуть к холоду. Золушка простодушно предложила девушкам последовать за ней. Но все отказались – слишком студеной вода. Золушка, зажмурившись, бросилась в ледяную чашу. В первый момент,

ей показалось, что на этом для нее все испытания закончились, и белого света она уже не увидит. Но Волк незаметно поднырнул и вытолкнул ее на берег. Вокруг все смеялись – уж больно комично она выглядела, как мокрая курица. Но Золушка не обратила внимания на веселье.

Она усвоила, может быть, главное правило жизни – нельзя давать страху брать над собой верх. И мысленно благодарила Волка за своевременный совет. Потом, когда всем предстоит пройти страшные пороги несущейся горной реки, Золушка безбоязненно встанет на плот и преодолет первой водную преграду.

Перед последним испытанием объявляется обязательное условие: задание можно выполнить только вдвоем, но при этом один погибнет. Предлагается страшный выбор: или бой вместе со слугой против невидимого воина, или бой против своего слуги. Сражение не на жизнь – на смерть.

Все – и девушки, и слуги, и организаторы – в ужасе. Ясно, что никого отсюда живыми не выпустят, если условия не будут соблюдены. По сути – предлагается самоубийство. Несколько верных слуг соглашаются на битву.

Оставшиеся слуги обреченно учат своих хозяек приемам боя, а на самом деле, показывают, как надо убивать. Многие лакеи давно сбежали. Их госпожи этому даже рады. Они уже поняли, что не стоит замужество с Принцем человеческой – пусть и холопской – жизни. Девушки уверены, что к конкурсу их не допустят. Готова репортаж, я явственно

ощущаю в воздухе запах смерти.

Золушка ночью приходит к Волку и объявляет ему, что они возвращаются. Она не открывает ему правды. Но Волк сам уже все узнал, подслушав разговоры сбежавших слуг. Он обещает Золушке, что на последнем испытании им ничего не грозит. Он просто превратится в человека, но Золушка не должна опасаться – это будет лишь тень человека. Сам Волк не погибнет, пострадает только его тень.

Внимательно наблюдаю за оставшимися претендентками. Это уже совсем другие девушки. Испытания сделали их жестче, но и сердечнее, смелее и... честнее. Они уже забыли и придворный этикет, и свое чванливое высокомерие. Приключения всех нас настолько сблизили, что уже никто не разбирает – госпожа или слуга – все стали одной большой семьей.

Золушка тоже изменилась. Как королевскому "корреспонденту", мне удастся отследить то, что другим незаметно – отношения Золушки и Волка. Любовь Золушки к Принцу постепенно угасала, а теплые чувства к Волку, наоборот, разгорались.

Именно поэтому Золушка долго не соглашается – ведь это обман и несправедливость по отношению к другим. Волк настаивает, ведь на кону – любовь. Золушка все-таки отвергает его предложение. Любовь – даже самая великая – не стоит жизни любого живого существа. Завтра они просто отправятся домой.

Утром глашатай объявляет особое условие последнего испытания. Никто не готов к тому, что организаторы будут так подлы и вероломны. Они не оставляют девушкам выбора. Те, кто дошел до последнего конкурса не смогут от него отказаться. Выйти из испытаний можно только ценой собственной жизни. Но Золушка понимает, что это еще не все. И претенденток наверняка еще чем-нибудь "удивят".

Никто не знал, что король – отец Принца – договорился с правителем "Пойди туда..." о дани. Король откупается от войны, которую ему собирается объявить правитель "Пойди туда....", самыми лучшими девушками. Одну из них – так и быть – отпустят. А остальные останутся, как военная добыча. Именно поэтому придумана история с женой Принца.

Мне это условие было заранее известно. Это входило в мое задание: не только писать репортажи с "места событий", но и проследить за точным выполнением королевских договоренностей. Омерзительное задание. Я только не знала о последнем ужасном конкурсе. И потому сообщение об изменении условий последнего испытания меня, как и претенденток, повергло в шок. Жалко всех девушек.

В момент объявления тайного – даже для посвященных – условия с моих глаз слетела пелена. Все стало понятно. Только где-то внутри шевельнулся беспомощный вопрос: "А сам Принц про это знал?" Я поняла, что мы погибнем, ес-

ли не от "Пойди туда...", то по любой другой причине. Мы жертвы и свидетели. И мы на войне. Не может благоденствовать государство, которое расплачивается за спокойствие знати любовью своих лучших женицин. Презренна такая страна. И достойна поражения.

Правитель "Пойди туда..." внимательно рассматривает претенденток. Он явно доволен – хорошую дань прислал ему Король. Война пока подождет. Он оставит себе всех – зачем портить такой хороший товар. Ведь уже понятно, что девушки не станут бороться против собственных слуг. И тогда он дарует свою "милость": объявляет, что на бой может выйти только одна.

Лицемерие монарха беспредельно. Он "милосердно" обещает при победе конкурсантки – жизнь и возвращение домой для всех. Но, если претендентка погибнет, девушки будут объявлены пленными и останутся в его власти. Он хорошо знает, что его невидимого воина победить нельзя.

Золушка, не раздумывая, мгновенно выбегает вперед, пока никто другой не решился на смертоубийство. Она может спасти всех! Девушки плачут. Но не потому, что Золушка может победить и стать невестой Принца. А потому, что она, наверняка, погибнет, пытаясь всех спасти.

Правитель вынужден согласиться на бой между Золушкой и Волком. Если победит Золушка – все вернутся домой. Если победит Волк – падет страшное проклятие и он, на-

конец, превратится обратно в человека. В отличие от всех, правитель знает о заклятье. Он сам наложил его на Волка. Он в своей прошлой жизни был единственным человеком, который не боялся спорить с ним.

Я вижу, в каком состоянии Золушка. Принца она уже забыла. Даже не представляю, чего ей стоило решиться на бой? Внезапно мне пришло, как откровение: Золушка мечтает о смерти. Волк это тоже понимает. Он давно по-настоящему любит ее. Золушка только теперь осознала, на что решилась. Она должна убить любимого, чтобы спасти чужих. Волк снова напоминает ей, что биться будет его тень. Но Золушка сомневается, она уже догадывается, что он – человек.

Волк, конечно, обманул Золушку. Для него этот бой – вызов. Он будет сражаться не только за любимую и несчастных девушек, но и за себя. Биться до последнего. Ему ни до кого нет дела, он устал бегать в волчьей шкуре. И уверенность в том, что этот бой – последний, и ему суждено погибнуть, ничего не меняет.

Как хорошо, что никто ни о чем не догадывается. Да, он любит Золушку. Именно поэтому напорется на свою рапиру и не позволит ненаглядной почувствовать себя убийцей. Он погибнет как человек – за любимую!

Наутро они вышли на бой. Бой был страшный – долгий и тяжелый. Волк старался сделать все, чтобы победила Золушка. Ему пришлось изловчиться, чтобы никто, кроме

Золушки, не понял, что последний удар он нанес себе сам.

Золушка впервые видит человеческое лицо Волка. Его голубые глаза, светло-русые спутанные волосы, высокий крутой лоб в бисеринках пота. И только, когда он из последних сил шепотом попросил у нее прощения за то, что вынудил ее на этот бой, Золушка поняла все. Не нужен ей никакой Принц. Она боролась не с тенью. От ее руки пал настоящий любимый. Теперь – после всего – жить ей совершенно незначем.

Золушка прижимает к себе голову Волка, заглядывает в его глаза, просит прощения и обещает отвезти его назад – на родину, чтобы похоронить в родной земле.

Правитель "Пойди туда..." так потрясен увиденным, что не узнает сам себя. Он великодушно отпускает всех. Обрат-но наша делегация едет быстро и печально. Девушки, как могут, пытаются утешить Золушку. Для нее запрягли самых быстрых лошадей. Но она словно ничего не видит и не слышит. Девушка смотрит на Волка так, словно хочет на-смотреться навсегда. Это взгляд понятен всем: любовь де-вушки к Волку закончится с ее последним дыханием.

Принц со свитой вышли встречать победителей. Король радуется – не будет войны. Все девушки сказочным образом вернулись назад, а не остались в плену. Королю подают ат-рибуты власти, чтобы обручить Принца с избранницей.

Теперь Золушка точно знает, что это такое – "...то, не зная, что". Это – верный, добрый, умный и сильный Волк.

Девушки помогают Золушке надеть черный платок. Она даже не посмотрела на Принца – вся ее любовь осталась там – на поле брани, на которое послал ее когда-то желанный, чтобы проверить чувства.

Процессия, не обращая внимания на растерянных Принца и Короля со свитой, медленно направляется к погосту. И чем ближе подходят они к печальному месту, тем меньше жизни остается в самой Золушке. А, когда дошли, оказалось – она тоже не дышит. И тогда завыли-запричитали девушки, упрашивая землю и небо вернуть влюбленных.

Сжалились силы великие. Загремели громом и ударили молнией прямо в сердца погибших. И встал Волк, и поцеловал Золушку.

ПОСЛЕСОНИЕ

Проснулась под впечатлением. Совершенно готовый сюжет. Красивый. Сказочный.

Прямо ЗОЛУШКА НАОБОРОТ. Надо только добавить несколько ярких снов Волка из его прежней жизни. Чтобы было понятно, почему его превратили в Волка. И вообще надо бы ему придумать биографию.

И не забыть вставить парочку эпизодов, когда он становится Человеком. Наверное, на рассвете до первых лучей солнца, когда все спят.

А еще надо убрать "придворного писаря". Во сне его – в смысле мое – присутствие оправдано, а в сюжете – лишнее.

Хотя, можно к этому персонажу "повесить" параллельную интригу. Например, некоторые претендентки, могут предлагать взятки за "пиар" или старательно "мозолят" глаз, чтобы попасть в кадр. Потом додумаю.

И все-таки, Золушка мне кого-то напомнила. Не случайно этот сюжет возник. Как же хочется сказки в жизни, чтобы после испытаний – настоящих, не придуманных – добрые люди попросили небеса...

Нет, надо брать себя в руки. Сказкой мне никого не вернуть. Одного хочется, чтобы теперь мама воссоединилась с папой.

СОН. МОЕ КИНО

Мы с дочкой сидим у стены в левом ряду кинотеатра на заключительном вечере кинофестиваля. Вокруг – обычная тусовка. Киношники лицемерно хвалят друг друга, раздают призы, целуются, приторно, лукаво и лживо улыбаясь. Объявляется финальный сюрприз – просмотр фильма кинорежиссера-дебютанта. Ведущий обещает необычное зрелище. Женщина (режиссер) сняла кино в непривычной манере – без сюжета, текста и музыки. После такого "многообещающего" сюрприза народ торопливо покидает зал. Ведущий и организаторы беспомощно и безуспешно пытаются остановить уходящую публику. Зал почти опустел. Тогда оставшихся приглашают занять более удобные места.

Я думаю о том, что, если останется меньше 10 человек, то "кина не будет". Но организаторы ждут, когда публика рассядется. Мы пересаживаемся в центр, но за высоким столом, который остался на сцене, не видно экрана. Тогда мы уходим ближе. Это тоже неудобно. Не будем же мы сидеть весь сеанс с задранными головами? Я возвращаюсь на прежнее место, а дочка остается.

Фильм начинается веселым праздничным хороводом. В центре – девушка в нарядном платье, а вокруг нее – персонажи из разных сказок. Они поют ей поздравительную песенку ко дню рождения. Танцы и всеобщее веселье держатся еще некоторое время. Внезапно картинка начинает ползти по периметру зала. Я в полном недоумении, хоть кинозал и современный, но точно – не панорамный.

Вдруг совершенно непонятным образом все зрители оказываются внутри фильма. Мы – в центре событий без всяких стерео очков. Начинается какая-то жуть. Сразу становится понятно, что девушке предстоит пережить, может быть, самые страшные минуты жизни.

Сказочные герои оборачиваются монстрами, при этом они нисколько не меняются внешне. Персонажи перестают сдерживать то, что долго копилось внутри, когда про них просто читали и смотрели спектакли или фильмы. Их так "забодали" эти предыдущие "детушки", что они вываливают вековой негатив на несчастного ребенка.

Мы – зрители – или должны в этом участвовать на их

стороне, или будем им активно противостоять и спасать девочку... Понимаю, что в этой бойне можно и не уцелеть. В зале вот-вот начнется настоящая рубка. У меня мелькает мысль, что с чем-то похожим я уже сталкивалась. Но сейчас не до литературных воспоминаний.

Я принимаю единственное верное решение – "выйти из игры". Способ мне известен, только непонятно, почему зрители просто не выходят из зала? Их же никто насильно не держит, или...

Или в этом и есть фишка фильма? Ай да, режиссер, неужели она это специально придумала? Ну, конечно, специально. Хвала ей! Но я смотреть на это не стану. Финал мне и так ясен. Впрочем, конечно, девочка может и погибнуть. И, скорее всего, она погибнет. Интересно, как поступят со зрителями, убитыми в процессе этого эксперимента? Утилизируют потом или...

Пока народ определяется, я, пользуясь своим "боковым" местоположением и легко отстраняюсь от происходящего. Знаю точно, пока я НЕ СМОТРЮ на экран – фильм меня не заденет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.